1944 ГОД: ТРАГЕДИЯ И ВЕЛИЧИЕ НАРОДА

Мир, согласие, возрождение ★ Машар, барт, духакхоллар ★Машар, барт, юхаметтаоттадар

Голос ЧЕЧЕНО-ИНГУШЕТИИ

Издается с марта 1917 года

Республиканская общественно-политическая газета

№ 38 (20522). ВОСКРЕСЕНЬЕ, 23 ФЕВРАЛЯ 1992 ГОДА. Цена 70 коп.

ЧУРТ ПАМЯТИ

КАК горько аукается нам и сегодня февраль 1944 года, хотя и по-разному помнится он всем, кто родился в этом краю.

Тем, кого увозили, до сих пор отзывается он голодом, гибелью близких и родных, гневной обидой, клокотавшей в душе из-за несправедливого, страшного и гулкого, как ночной выстрел, обвинения «враг народа».

Тем, кто оставался, он до сих пор встает вымершими, опустевшими аулами, голодной ревущей скотиной, нагоняющими страх слухами. Но более всего рвущимися по живому связями между людьми.

ПОМНЮ, в этот день 23 февраля мне так и не пришлось попасть в школу. Сплошным потоком, впритык друг к другу, шли крытые брезентом американские грузовики — студебеккеры. С проспекта Революции у Госбанка они заворачивали на короткую улочку, разделявшую сквер имени Пушкина и школу № 1. Теперь здесь зона отдыха. Растут розы. Между трогательными березками — живописно разбросаны валуны. Ничто не напоминает о прошлом. А тогда в промозглой мгле мрачно двигалась серо-зеленая армада чужих машин, увозя в неведомые края целый народ. Среди них — наших друзей и знакомых.

В одной из этих машин уезжал в неизвестность наш ровесник, одноклассник и сосед по дому Эрик.

В другой, может быть, покидал родину директор школы из крепости Ведено. Не знаю даже, как звать-величать его, слишком мала была в то довоенное лето, когда всей семьей отдыхали мы в горном Ведено. И приют находили в его гостеприимном доме. Помню только, что жену его звали Пези. Да и запомнилась она, возможно, оттого, что слишком редким было ее имя.

Детская память цепка и жадна на впечатления. Необычная встреча, живая деталь ярким, незабываемым видением сопровождают тебя всю жизнь. Через всю жизнь пронесла и я одно пронзительное воспоминание, связанное с трагедией вайнахов.

С осени 1942 года участились налеты немецких бомбардировщиков на Грозный. Горели и рвались нефтехранилища. Смрадный тяжелый дым заволакивал небо, превращая день в густые сумерки. В лохматых тучах дыма, словно луна, ныряло жаркое солнце. Ночами же небо полыхало багровым заревом, освещая неровным светом израненный уставший город.

В эти беспокойные времена родные люди старались быть поближе к друг к другу. И вся наша семья собралась в маленьком флигельке на «бароновке», где снимали квартиру у поляков мои дед и бабка. Собрались все в октябре сорок второго, да так почти до конца войны и прожили вместе. Раз или два в месяц в просторном дворике дома, занятом утлыми подсобными постройками и вольно раскинувшимся деревом шелковицы, становилось тесно. Откуда-то издалека, как мне тогда казалось, приезжали в Грозный на рынок дедовы знакомые: старик-чеченец, суховатый, суровый, всегда в высокой папахе и с палкой, и два молодца - красавца — сыновья его.

Бабушка пекла красивые, как довоенные бисквиты, кукурузные лепешки. Все мазали их привезенным гостями душистым топленым маслом и пили калмыцкий чай. Гость с дедом вели неспешную беседу. Так велело их положение самых старших. Да и, признаться, незнание языка. Однако гость не позволил себе говорить по-чеченски, призвав в переводчики сыновей. Гордый и наделенный природным тактом, он изъяснялся по-русски, с трудом подбирая нужные слова.

Взрослые ценили это, сами говорили медленно, чтобы и гость успевал понимать их. А мы, детвора, с любопытством и сердечным трепетом наблюдали весь этот ритуал, выглядывая из-за занавески.

Поблагодарив за хлеб-соль, старик выходил во двор совершать намаз. В этот вечер он вернулся, едва успев выйти, необычно взволнованным и суетливым, изменив своему обыкновению, говорил по-чеченски, горячо и сбивчиво, обращаясь к сыновьям. Они стремглав бросились во двор. Позабыв о шапках и пальто, следом за ними высыпали во двор все мы.

Стоял конец января 1944. Зима в тот год где-то заблудилась. Было тепло. И небо в тот вечер, еще не совсем потемневшее, хранило следы вечерней зари.

Старик остановился посреди двора, указывая куда-то вверх. В предчувствии чего-то необыкновенного, запрокинув головы, мы смотрели на причудливо перепутанные ветки старого тутовника, и он, друг наших детских забав, казался теперь страшным чудовищем. Но старик показывал куда-то выше.

И мы увидели. На почти беззвездном небосклоне сияла молодая луна. Узкий серебристый серп едва проступал на холодном январском небе, притягивая к себе внимание странной, необычной подробностью: верхний рог месяца, словно причудливой серьгой, был украшен звездой. Она словно вцепилась в него и не хотела отступиться.

— Смотрите, — старик говорил тихо, спокойно, но это было страшней, чем его недавнее волнение. — Это беда. Нам грозит беда...

Он помолчал, словно раздумывая, стоит ли говорить все или лучше остальное оставить при себе. Но потом повернулся к нам и сказал отчетливо и совсем тихо: нам грозит беда от советской власти.

Я почувствовала, как похолодело где-то под ложечкой, как сжалось сердце от страха за этого старика, за его красивых сыновей, за советскую власть, которой, непонятно почему, казалось, тоже грозило что-то страшное и непоправимое.

И вот теперь, стоя у школы перед нескончаемой вереницей машин, увозящих в никуда сотни тысяч людей, а с ними, наверное, и этого старика, и его сыновей, я снова почувствовала холодок внутри и страх. И за людей, увозимых в никуда из родных мест, и за всех тех, кто оставался. По живому рвались нити, соединившие людей хоть и не родственными узами, не родством крови, но чем-то не менее значимым, святым, нерасторжимым — сердечной привязанностью, глубоким доверием, родством душ.

Домой вернулись не все герои книги С. Чахкиева, не все герои жизни.

Так и не дождавшись своего кунака, умер в 1959 году мой дед. Он ушел из жизни, помня последние горькие слова своего друга, и считая себя глубоко оскорбленным этим внезапным несправедливым и непредвиденным расставанием, чувствуя себя обделенным судьбой, обездоленным и обкраденным в дружбе.

Л. КАЛИТА.

Далекое—близкое

ИСПЫТАНИЕ ВЕРНОСТИ

Исмаил КЕРИМОВ

Я—БОЛЬ

Я — тысячи,
тысячи слез,
Пролитых под
стуки колес
В февральском
сорок четвертом...
Я — мо-о-о-о-оре.
Я — сотни, я — тысячи
Сброшенных тел,
В безвестные станции
сгинувших...
Я — камень
надгробный.
Я — горе растрепанное
матери
С застывшей мольбою:
«Вай Дела,
Последнего сына
спаси-и-те...»
Я — не-е-е-е-е-бо.
Я — Хайбах,
Хатынь и ГУЛАГ
Кровавые троны
диктаты...
Я — Гласность.
Я — сердце поэта,
Рожденное песней,
Разбухшее болью,
Застрявшее в горле,
Зовущее к воле...
Я — голос,
Я требую:
«ПОМНИ»!

Неожиданный ракурс

ЧТО НАЛЕВО, ЧТО НАПРАВО— ВСЕ ГРАБЕЖ

Постановление правительства республики «О мерах по либерализации цен» прошло вроде бы незаметно, а присмотрелись повнимательнее и ахнули...

В связи с этим постановлением для предприятий, организаций, особенно для предпринимателей наступают нелегкие времена, многих ждет банкротство. Попробуем разобраться в этом.

Согласно пункту 5 министерству экономики ЧР поручено разработать предельный уровень рентабельности по отраслям народного хозяйства, а согласно пункту 8 вся прибыль, полученная сверх этого уровня, изымается в доход государства. Не странно ли, если учесть, что Россия регулирование предельного уровня рентабельности не допускает?

При введении данного показателя практически исчезнет интерес трудовых коллективов к наращиванию прибыли, исказятся деловые стимулы, создастся неправильное распределение сил и ресурсов между накопляемой и потребляемой частями доходов. Более того, конфискационная политика, планируемая правительством, в небывалых размерах породит бартерную торговлю, черный рынок и тайную занятость части населения.

А вот пункт 10. По нему вся сумма дооценки на остаток товаров в связи с введением новых регулируемых и свбодных розничных цен перечисляется в бюджет и фонд защиты ЧР. Между тем предприятия, находящиеся под юрисдикцией России, имеют возможность 50 процентов от этих средств оставлять для своих нужд.

Понятно желание правительства пополнить бюджет республики. Но не любым же путем это надо делать! Выступая с благими на вид намерниями, правительство забывает простую истину: чем богаче люди, тем богаче государство.

Чтобы обеспечить это богатство, надо создавать более благоприятные по сравнению с другими регионами страны условия для предприятий и предпринимателей. В этом случае мы будем и конкурентоспособнее. Принцип: вам — предельный уровень рентабельности, а нам — вся дополнительная прибыль, губителен для обеих сторон. Людей, таким образом, отвратят от высокопроизводительного труда, лишат желания вкладывать средства в дело. Так что правительству надо бы понимать: есть регуляторы - стимуляторы, а есть и удавки на шее производителей.

Что мы предлагаем? Отменить регулирование прибыли и цен по предельному уровню рентабельности, хотя бы наполовину от суммы дооценки на остаток товаров.

Принять законодательные акты о налогообложении прибыли (дохода) с более умеренными ставками, чем в других регионах страны.

Ни в коем случае не вводить плату за трудовые ресурсы, так как у нас их избыток, а рынок в любом случае, ведет к высвобождению части рабочих рук.

С согласия представителей народа необходимо поднять предельный размер регулируемых цен и тарифов на один уровень (в том числе и на хлеб), учитывая, что товар имеет свойство перемещаться туда, где за него больше платят. Кстати, этому предложению есть и обоснование: наш хлеб вывозят за пределы республики целыми партиями.

В целях создания рыночного механизма надо срочно приступить к приватизации предприятий и организаций по законодательным актам России, поскольку своих законов по этому поводу нам ждать бог весть сколько времени...

И вообще, руководителей предприятий и предпринимателей существенно беспокоит вопрос: какими законами сейчас им пользоваться, ведь своих по многим важным проблемам пока что нет.

Ш. ВАХАЕВ,
инженер.

Гонорар прошу перечислить на счет редакции.

ИСТОРИЯ С ФОТОГРАФИЕЙ

ЛИЦО ПРЕСТУПЛЕНИЯ

Эта фотография и сделанный с нее плакат уже обошли многие газеты республики. Начальник Дальневосточного краевого управления НКВД, комиссар госбезопасности 3-го ранга Гвишиани. Автор и исполнитель преступления в Хайбахе. Фотография взята из семейного альбома снохи Гвишиани, живущей в Тбилиси. История о том, как фотоснимок попал к нам, такова.

В августе 1990 года в Хайбахе работала чрезвычайная комиссия во главе с руководителем группы «Поиск» комитета ветеранов войны Степаном Савельевичем Кашурко, которая еще раз подтвердила факт геноцида и передала извлеченные из земли останки на экспертизу. Были записаны свидетельства очевидцев. Кто-то из присутствующих сказал, что Гвишиани, вроде бы, живет в Тбилиси. О том, что было дальше, Степан Савельевич Кашурко рассказал в интервью нашему корреспонденту.

— Назавтра (23 августа. — **авт.**) мы уже мчались в Тбилиси. Где искать палача и его родственников, как найти к ним подход? Путь нам открыла записка, которую написал Иса Кодзоев Звиаду Гамсахурдиа: тогда его партия еще не была у власти, но набирала силу, а Кодзоев был знаком с ним прежде. Благодаря этому мы разыскали родственников Гвишиани, встретились с женой его родного брата, вызвали ее на откровенный разговор.

Мы очень осторожно вели разговор. Своим спутникам Салиму Ахильгову и Исе Оздоеву я велел молчать, боясь, что Арцемида заподозрит неладное и не раскроется. Поддерживали беседу приставленные нам Гамсахурдиа грузины, они нас «прикрывали». Мне очень хотелось посмотреть на облик человека, совершившего такое страшное злодеяние, я попросил альбом. А, увидев это лицо, решил во что бы то ни стало заиметь эту фотографию.

Облик соответствовал деяниям. Я дал знак ребятам: изымайте. Понимаю, что это нехорошо, а что поделаешь? Но фотография была так крепко вклеена в альбом, что они не могли ее незаметно оторвать. Я боялся, что хозяйка заметит неладное, возмутится, поэтому сказал напрямую: «Уважаемая Арцемида, разрешите нам взять фотографию». И, представьте, она разрешила, позволила взять даже две: одна та, что была опубликована, а на другой он с братом — генерал-лейтенант с полковником.

Я спросил: а, что же, его разве не преследовали, ведь он же натворил дел? Она ответила: «Ну, как же, посадили на скамью подсудимых, еще расстреляли бы вместе с Берия — он ведь был очень влиятельным, был любимцем Берии, — но Клавдия Андреевна спасла его». Я думал, что это за Клавдия Андреевна? И как же она могла спасти Гвишиани? И сказать мне было неудобно, что не знаю, кто такая Клавдия Андреевна, ведь я же журналист, давно ведущий поиск героев... Ну, и стал спрашивать: «А как же она спасла его?» «Клавдия Андреевна такая волевая женщина... Вот так похлопает по коленке, позовет: «Леша, ко мне, Леша, сюда». Так он на цыпочках идет: «Клавочка, что-что?» «Леша, если только хоть один волос упадет с головы нашего свата, то тебе несдобровать!». «Вот Леша и спас его, ходил по всем инстанциям», — рассказывает Арцемида. Я тогда говорю: «А что за Леша?» Она и отвечает: «Косыгин. Его дочь замужем за сыном Гвишиани».

Вот такой разговор у нас был. Интересно было узнать, как дальше складывалась жизнь этого палача. Она рассказала, что он был разжалован, очень переживал, но неплохо дожил свои годы, правда, был парализован. Спросил я, остался ли кто у него. Она ответила: «А как же, жена живет в Москве, сын в Москве. А вы разве его не знаете?» — спросила в свою очередь. «Да нет, не приходилось... что-то не знаю, — говорю. «Как? Академик его сын. Да и внук такой же пошел. По имени деда назвали — Леша. А этот стал доктором физических наук...»

Слушал я ее и думал: тут он уничтожал людей, целые семьи оставлял осиротевшими, на них стояло клеймо врагов, выселенцев, им не давали хода. Им было не до того, чтобы становиться академиками — лишь бы выжить, да вернуться в свой дом. А этот палач, его дети... Живут припеваючи, и в ус себе не дуют, идут по накатанной дорожке, добиваясь успеха не благодаря уму и талантам, а связям.

В подавленном состоянии возвращались мы из Тбилиси. По пути остановились у Идриса Базоркина. Он, когда увидел фотографию, скажем к нему, боюсь, что из-за выходного он откажется помочь, поэтому стал просить краски, — решил сам рисовать. Но он, молодец, поехал с нами. Сорвали со стены какой-то плакат, календарь, кажется, и на обороте вдвоем стали рисовать. Парень этот молодец: глаза, улыбку эту паскудную точно скопировал. Я, правда, немножко утрировал: ляпал звезды, медали, погоны, как у генерал-лейтенанта. Мне уже через одного выступать надо было, сел я с этим плакатом в президиум и довершил его: написал слово «палач» фломастером и капли крови с него капают. Минут за тридцать мы этот портрет нарисовали.

Потом я стал выступать, рассказал о поездке. И в конце спрашиваю: «Хотите взглянуть на этого палача?» «Хотим!» — отозвался зал. Я развернул плакат, свернутый трубкой, зал так и поднялся. Ярко так было видно это лицо, впечатление необыкновенное.

Вот так я почувствовал судьбу народа и решил найти этих убийц, палачей. Имя Гвишиани было только концом ниточки, потянув которую, надо было размотать весь клубок. Полгода занимался этим, работал в архивах, получал тысячи писем. Тогда я узнал, сколько еще горя на земле, сколько людей несчастны оттого, что их близкие пропали без вести.

М. АЛЕКСАНДРОВА.

В ОТКРЫТОМ КОСМОСЕ

ЦЕНТР УПРАВЛЕНИЯ ПОЛЕТОМ. (ИТАР—ТАСС). Александр Волков и Сергей Крикалев осуществили выход в открытое космическое пространство с целью проведения работ на внешней поверхности орбитального комплекса «Мир».

Выходной люк космонавты открыли 20 февраля в 23 часа 10 минут московского времени. На отсеке научных приборов модуля «Квант-2» они установили новое оборудование, с помощью которого будут продолжены эксперименты по изучению влияния факторов открытого космоса на физико - механические характеристики конструкционных материалов. Во время этих операций было отмечено снижение эффективности функционирования системы охлаждения скафандра командира экипажа — Александра Волкова. Ему было дано указание возвратиться в шлюзовой отсек. И дальнейшие работы выполнял бортинженер.

Сергей Крикалев перешел на астрофизический модуль «Квант» и демонтировал с его внешней поверхности вспомогательное оборудование, использовавшееся ранее при сборке 14-метровой ферменной конструкции по программе эксперимента «Софора».

Перед возвращением в помещение комплекса бортинженер снял с экспериментальной солнечной батареи, смонтированной на станции 4 года назад, несколько фрагментов фотоэлектрических преобразователей для лабораторных исследований на Земле.

Самочувствие Александра Волкова и Сергея Крикалева, находившихся в открытом космическом пространстве 4 часа 12 минут, хорошее.

В МЭРИИ ГРОЗНОГО

На истекшей неделе мэрией г. Грозного было принято несколько распоряжений, касающихся различных сторон жизни города.

В целях усиления борьбы с преступностью принято решение сосредоточить формирующиеся силы муниципальной полиции при городском УВД, централизуя средства, выделяемые городским, районными бюджетами и отдельными предприятиями на ее содержание. Для координации работы со службами криминальной полиции при УВД создается комиссариат муниципальной службы безопасности.

Под руководством мэрии велась целенаправленная подготовка ко Дню памяти жертв сталинских репрессий — 23 февраля. Во всех Дворцах и Домах культуры, клубах, кинотеатрах и библиотеках, в школах, вузах, специальных учебных заведениях пройдут вечера, собрания, посвященные памяти жертв сталинских репрессий. К этой дате подготовлены тематические книжные выставки.

Мэрия приняла распоряжение, касающееся порядка приватизации зданий, сооружений, жилых и нежилых помещений, расположенных на территории г. Грозного. Опираясь на Закон о местном самоуправлении и соответствующее постановление Парламента ЧР о временном приостановлении разгосударствления и приватизации собственности республики, решено приватизацию всех объектов, независимо от их ведомственной принадлежности, производить только по согласованию с мэрией. При этом будет учитываться значимость приватизируемого объекта для сохранения инфраструктуры города. Признана недействительной приватизация, осуществленная после 12.11.91 г., т. е. вступления в силу вышеназванного постановления парламента. В связи с этим распоряжением даны конкретные поручения отделам и службам мэрии. Принято также решение передать пристройку к зданию бывшего рескома Духовному управлению мусульман Чеченской Республики.

А. МАГОМАДОВА.

«ОСТЕРЕГАЙТЕСЬ ПРОЛИТЬ ЧУЖИЕ СЛЕЗЫ»

РАССКАЗ ВЕТЕРАНА

Где-то в октябре—ноябре месяце 1943 года к нам в село Гуни Веденского района приехал человек. Он был очень плохо одет для горных условий, никто не знал, кто он, откуда, зачем приехал. Люди дали ему кличку — Москвич, так и называли его все. Военное лихолетье было страшным. Особенно трудно приходилось многодетным семьям. У многих близкие были на фронте. Людей одолевали болезни, голод, холод. Да к тому же надо было сдавать налог. Часто собирали на фронт продукты, одежду, деньги и т. д. Люди уезжали на оборонительные работы на берегах Терека и вокруг Грозного. На своих плечах народ переносил эти страдания, мужественно боролся с несчастьями.

Приведу такой пример. В ноябре 1942 года горела грозненская нефть от вражеских налетов, линия фронта находилась совсем близко от города. А на наше село налетела банда диверсантов, попыталась угнать скот, были убиты 4 человека, более 30 — ранено. Такие преступления совершались ради наживы.

К концу 1942 года — началу 1943 Кавказ был освобожден от фашистов. Люди с огромной радостью встретили эту весть, начали восстанавливать народное хозяйство. Колхозники сеяли хлеб, государственный план досрочно выполняли. Ачхой-Мартановский район засевал 45 гектаров пшеницей, за неимением техники все обрабатывали вручную. В горах сеять хлеб было невозможно, поэтому в 1943 году мы собрали и отправили на фронт 450 тысяч рублей денег, 45 бурок, 2500 единиц теплых вещей, 400 баранов и другое.

Люди трудились, встречали демобилизованных. Наша семья тогда получила извещение с фронта о том, что пропал без вести брат Хасан. Но жизнь шла своим чередом, люди не подозревали, что впереди поставлен «волчий капкан», который приготовили для вайнахов Сталин и Берия.

В конце 1943 года на территорию Чечено-Ингушетии стали прибывать войска... Мы были в недоумении. Нам объясняли, что, якобы, проводятся маневры в горах. И никто не знал, что утро 23 февраля будет таким черным, горьким, кошмарным. В горах начали операцию раньше. 22 февраля, к 11 часам дня с группой солдат и офицеров меня из сельского Совета направили на хутор Къежи-Эвла (Первомайское) в качестве переводчика. Наше село было большое и насчитывало на своей территории несколько хуторов. Собрали всех мужчин возле школы под предлогом того, что приехал генерал и будет проводить собрание. Собравшихся оцепили солдаты и объявили, что, если кто-нибудь двинется с места, по нему будут стрелять без предупреждения. А потом зачитали Указ Президиума Верховного Совета СССР о выселении чеченцев в другой район страны, как изменников Родины. Офицер зачитал указ и спросил: «Вопросы есть?» Тишина сохранялась долго, люди были ошарашены. Наконец, сидевший возле огня Цовгу Гадаев спросил: «Что будет с нашими семьями?» Офицер ответил: «Поедут с вами». «А что будет с нашими сыновьями, находящимися на фронте? Мы ждем их с фронта сегодня-завтра?» — «Последуют за вами». — был ответ. «Куда нас везут?» — «Не знаю». Вопросов больше не было. Мужчин обыскали и заперли в школе под охраной. В тот же день мы узнали, что, приехавший в конце прошлого года в наше село человек, уважаемый Москвич, оказался большого звания чекистом, посланным Наркомом внутренних дел Берией для подготовки операции.

Операция готовилась строго секретно. До самого последнего момента народ не знал, что случится, что произойдет. Мы с Москвичом были в хороших отношениях. Он бывал у меня дома, даже ночевал. Мы о многом беседовали, он говорил, что скоро начнутся учения. У меня не было ни малейшего подозрения. А утром 23 февраля в 4—5 часов началось! В каждый дом заходили солдаты, будили людей. На сборы давалось 10 минут. Еще сонные люди покидали родной очаг. Женщины от ужаса не соображали, что надо брать. Но иногда сами солдаты помогали людям: укладывали необходимые вещи, продукты, запрягали брички. Потом женщины благодарили добрых солдат.

По 5 человек отпустили мужчин, находившихся в школе. Брички были нагружены вещами, а сверху сидели старики и больные. Женщины, кто на спине, кто на руках держали детей, закутанных в ватные одеяла. Все смешалось: причитания стариков, плач детей и женщин, лай собак, бегущих за колонной, мычанье недоеных коров. Люди шли по грязи, дул сильный холодный ветер, шел мокрый снег.

Ночью в 11—12 часов мы добрались до шоссейной дороги живыми. Никто не провалился в ущелье. У реки Хулхулау нас остановили, возле села Ца-Ведено, приказали разгружать обозы. Женщины кричали, плакали дети, просились домой, просили есть, спать. Мужчинам, как можно быстрей, надо было разжечь костры, но где взять дрова? Ведь было предупреждение: кто уйдет от своей семьи на 2—3 метра — расстрел. Мужчины разрубили брички, разожгли костры, вокруг сгрудились уставшие и обессиленные люди.

24 февраля началась погрузка на грузовики. А на следующий — нас погрузили в вагоны. Эшелон стоял в Старопромысловском районе. В закупоренных вагонах было одно скошко, обитое колючей проволокой. Только утром дверь открыли, повели людей за водой (в вагоне оказалось два ведра). В середине вагона стояла печь-буржуйка, рядом с дверью были щели, специально для отправления. На третий день эшелон наш тронулся. Ехали мы два дня медленно, а потом остановились. Была ночь. Открылись двери, охрана позвала двух молодых людей для получения пайка. Мы находились в Астрахани. Следующая станция была город Уральск Казахской ССР. Из Уральска наш эшелон поехал без задержки прямым ходом. Останавливались в степи, чтобы вынести трупы умерших. На больших станциях сменялась бригада, мы получали спецпаек. За городом Актюбинском 2—3 раза утром останавливался наш эшелон в степи, чтобы люди могли подышать свежим воздухом, потому что в вагонах появился тяжелый запах.

25 марта перед рассветом наш вагон отцепили около станции Маймак Кировского района Киргизии. Нас встречали люди из комендатуры, приняли, можно сказать, с почетом: погрузили на местный транспорт — на верблюдов, ишаков, быков, коров. Нам же этот транспорт показался страшным. Комендантом оказался украинец, знавший чеченцев по фронту. Нашу семью повезли в колхоз имени Ворошилова, 60 км от железной дороги, под скалистыми горами. Казалось бы, добрались до места. А тут стали умирать больные старики, дети. Умирали целыми семьями. Можно было видеть ужасающие картины.

Продукты нам начали выдавать через месяц после прибытия: давали 150 граммов ячменной муки, если пшеничной — 200 граммов на человека. За продуктами приходилось ездить за 70 км, в заготзерно на верблюдах, ишаках, быках. Причиной массовой гибели людей были суровый климат и страшный голод. Когда выдавали продукты, голодные люди сразу ели и умирали на месте. Многие пухли от голода, ослаблн, ходили, держась друг за друга. Каждый не сегодня-завтра ждал смерти. От железной дороги мы находились далеко, кругом были скалистые горы и бескрайние степи. Некоторые пытались уехать, но заблудившись в степи, умирали. Такие попытки считались побегом, за что без суда давали 25 лет каторги.

До выселения мы никуда не ездили, жили в горах, не знали русского языка. Мы были ужасно растеряны.

Но теперь все уже позади. Народ свободен, живет, процветает. И хочется сказать: будьте уважительны друг к другу, живите честным трудом. Остерегайтесь пролить чужие слезы. И тогда вы будете счастливы.

Шуди ДАДАКАЕВ,
ветеран труда.

Из редакционной почты

НАРОД, ПОТЕРЯВШИЙ ПАМЯТЬ,—ОБРЕЧЕН

В феврале резко возрастает поток писем в редакцию, авторы которых делятся своими воспоминаниями о национальной трагедии вайнахов и о ее последствиях. Пишут люди, сами испытавшие все ужасы выселения. Холод товарных вагонов, горечь прощания с умершими на коротких остановках скорбного пути, унижения и оскорбления работников спецкомендатур... Одним словом, о неутихающей боли народа рассказывают люди, помнящие, говоря словами замечательного поэта Кайсына Кулиева, снежные просторы Казахстана и тоску изгнания.

«Пишу в редакцию впервые: просто не выдержал», — так начинает свое письмо М. Висханов из с. Ишхой-Юрта.

Ему было всего шесть лет, но память сохранила «и час, и день, и погоду, когда выселяли». Помнит он, как «загружали в товарняк, как везли, конечную остановку — г. Джелал-Абад». Потом повезли их на подводах в село Сузак, где поселили в «кибитку — глиняный домик без окон, дверей, но, слава Богу, глиняная крыша над головой».

Многое сохранила память о той тяжелой жизни первых лет ссылки.

«Помню, — продолжает М. Висханов, — как собирали колосья на убранном поле. Собирать их не разрешали... Ели все, что принимал желудок, — жмых, клевер, рисовые отруби, травы... был страшный голод. Некоторые спрашивают, что такое голод. Я его испытал на себе и говорю — это когда желудок заполнен, заполнен чем угодно до горла, но есть охота... Не дай Аллах никому испытать это».

Убедительно звучит предложение М. Висханова Парламенту ЧР — о пенсионных льготах для тех, кто испытал тяготы ссылки.

О воспоминаниях своего родственника, связанных с выселением, пишет в редакцию Шахид Хашемиков из Грозного.

С. Ю. Дошукаев из с. Курчалой помнит, как 22 февраля 1944 года в Курчалой заезжали длинные колонны грузовиков, покрытых брезентом. Как утром 23 солдаты выгоняли жителей из домов, как плакали женщины и дети.

«Вместе с нами, — продолжает он, — находился и мой отец, в армейской форме с орденами и медалями на груди, но он ничего не мог сделать». И далее автор праведно возмущается тем правовым беспределом и произволом, установившимися в республике.

«Неужели, — пишет он, — мы, чеченцы и ингуши забыли те края, где с голоду и холоду умирали наши отцы и матери, братья и сестры? Так почему же идем против собственного народа... почему же мы хотим сами себя запятнать и загубить. Я не узнаю вайнахов... Стыдно за свой народ, когда слышишь: там угнали машину, там убили мужчину, там кого-то раздели. Возьмитесь за голову, одумайтесь, куда мы идем! Суверенитет суверенитетом, а дисциплина должна быть. Иначе этим беспорядкам не будет конца».

«О тех, кто разными путями и средствами мужественно протестовал против уничтожения своего народа», о тех, чьи имена непозволительно забывать, пишет в редакцию Нарсудин Шантоев. В числе их он называет узников ГУЛАГа Н. Дудаева, М. Мамакаева, Х. Ошаева.

Далее автор говорит о нашем долге перед соотечественниками, волею судьбы оказавшимися после войны на Западе. Речь идет о всемирно известных Абдурахмане Авторханове, Салавди Гугаеве и их товарищах.

«Многие из них, — пишет Шантоев, — перенесли страшные тяготы войны, кошмары фашистских лагерей. Это те, кто знал, что ждет их при возвращении в Советский Союз. Да и возвращаться им было некуда, народ был выселен, родины не было. Тех же, кто не смог преодолеть тоску по Родине и близким, ждала 10-летняя адская жизнь в лагерях ГУЛАГа».

О 40 с лишним земляках, оставшихся в странах Запада, мы знаем очень мало, пишет автор письма и продолжает, «но известно и доподлинно, что со дня освобождения из плена (немецкого — ред.) они полностью включились в бескомпромиссную борьбу за восстановление прав чеченского и других народов, за их возвращение на Родину». Он отмечает, что это была небезопасная деятельность, ибо «руки КГБ не знали границ».

Шантоев полагает, что именно эта борьба наших соотечественников заставила мировое сообщество, в частности ООН, подать голос в защиту наказанных народов, что и заставило советское руководство вплотную заняться вопросом реабилитации репрессированных народов. Не зная истории этой борьбы, считает автор письма, мы не освободимся от иллюзий, что КПСС по собственной инициативе рассмотрела этот вопрос в 1956 году на XX съезде.

В письме рефреном проходит мысль: «мы не вправе забывать их подвиг».

Уважаемые читатели, газетная площадь не позволяет нам публиковать полностью все письма, поэтому мы постарались с предельной объективностью передать их основные мысли.

Мы благодарны вам за искренние и информационно насыщенные письма, разделяем вашу боль и ваше бережное отношение к истории народа, ибо известна истина: народ, потерявший память, — обречен.

Национальные трагедии

Мы уже умирали однажды

23 февраля 1944 года. Депортация вайнахов с Кавказа. Эшелоны разметали их по Казахстану, Киргизии, Узбекистану. Прах почти 300 тысяч чеченцев и ингушей стал первой платой за верность «ленинским заветам». Но не последней. Еще вчера в Казахстане, их жило 80 тысяч. Сколько останется завтра?

...Им дали пять дней, чтобы продать скот, дома, погрузиться в вагоны и убираться. Куда? Жителей села Новый Мир, изгонявших уже в наши дни семнадцать семей чеченцев и ингушей с территории Рамаданского сельского Совета, это не интересовало. В том «новом мире», который они начали строить после объявления независимости Казахстана, инородцам места уже не было. Выселенцам выплатили по паре тысяч за дом, но за пассажирский вагон потребовали 22 тысячи, а за три товарных, что под скарб. — 43 тысячи рублей. Пока стояли в Ама-Ате, пришлось уплатить еще семь тысяч рублей за охрану вагонов. Попросту — чтобы уехать без трупов и с вещами. Власти и пресса об этой талды-курганской трагедии умолчали. Независимая республика берегла «мундир», готовясь вступить в ООН. Вспомнили о ней только на недавней чрезвычайной конференции чечено-ингушского культурного центра «Вайнах».

Вайнахи крепко помнят и август 1990 года. Тогда в Узунагаче, что под Алма-Атой, «подогревали» казахов против чеченцев не случайные люди — депутат Верховного Совета Казахстана Кадырбек-Улы. Многие политические карьеристы видели и видят беды своего народа в инородцах. В результате, столкновения между казахами и чеченцами вошли в систему, вспыхивая за последние полтора года в Алма-Атинской, Семипалатинской, Талды - Курганской, Чимкентской, Карагандинской областях. Сценарий один: всякий бытовой конфликт раздувается до межнационального. Потом сход и — выселение. В селе Новый Мир режиссерами циничного спектакля стали общества «Казак Тили» и «Азат».

— Все произошло с молчаливого одобрения властей, — считает старший следователь МВД Казахстана П. Тхепсаева. — Знаю по событиям в Чимкенте, где я расследовала межнациональный конфликт между казахами и турками - месхетинцами, по Семипалатинску — везде чувствуется скрытая поддержка администрации.

Когда антикавказские настроения в Казахстане только зарождались, два с лишним года тому назад в Узени, местная власть во избежание кровопролития выбрала наипростейшее из решений — меньше чем за двое суток из поселка Жетыбай были выселены полторы тысячи человек.

Власти не пришли и на чрезвычайную конференцию «Вайнаха». Знали о новомирском произволе в президентском совете, знали в прокуратуре. Но не пришли. Знают, что «Азат» и «Алаш» вербуют сторонников под лозунгом — «Казахстан — для казахов!» Но молчат. Заместитель начальника Управления охраны общественного порядка МВД республики М. Смагулов подтвердил — активисты нелегального общества «Алаш» «приложили» в свое время руку и к событиям в Уральске во время юбилея казачества, в Энбекшиказахском районе, откуда хотели выселить 15 тысяч турок. На их счету и Семипалатинск. А теперь и Талды-Курган.

Однако позиция этого ведомства настораживает. МВД готово приложить максимум усилий, чтобы национальный конфликт не перерос в вооруженное столкновение. Что же до самого акта выселения — то это дело местной власти...

Мы уже умирали однажды и не хотим умирать еще раз, говорят бегущие от расправы. В своем обращении к Президенту Казахстана и Верховному Совету республики вайнахи потребовали прекратить беспрецедентные нарушения прав человека, наказать виновных и создать в Верховном Совете республики комиссию для расследования талды-курганского дела.

Сергей СКОРОХОДОВ,
(«Российская газета» за 18 февраля с. г.).

НАШ КОММЕНТАРИЙ: **Многие средства массовой информации, в том числе и телевидение России проливают целые моря слез по поводу беженцев из Чеченской Республики. Можно ли быть более безнравственным, чем человек, который утверждает это? Есть ли у этих людей хоть капля совести? Могут ли они показать хоть одного человека, который называет себя беженцем из Чеченской Республики? Нет, не могут.**

Уезжают? — Да. Но как уезжают? Продают свои дома и квартиры за многие сотни тыся рублей, вывозят имущество, не видят никаких притеснений.

И если газетно-телевизионные плакальщики хотят познакомиться с истинными беженцами, они могут побеседовать с теми чеченцами, о которых идет речь в статье. Таких настоящих беженцев много прибывает не только из Казахстана, но и городов России. И никто русских в Грозном не приставляет к стенам гостиниц, как это делается в отеле «Россия», и не унижает обыском.

Поэтому и российским газетам, и политикам, и государственным деятелям нужно бы раз и навсегда выяснить и для себя, и для народа, который они дурачат — где истина?

Судьбы людские

КОСТЕР В ГОРАХ

КОГДА говорят о Хайбахе, обязательно называют эту фамилию — Гаевы. Гаевы Тута и Хату из тех, кто был заживо сожжен в конюшне колхоза имени Берия в феврале 1944 года. Гаевы Жандар и Ясу — из тех, кому выпало тогда же разгребать пепелище и хоронить остатки мучительно погибших родственников. Гаев Саламат — из тех немногих, кто еще в годы застоя начал собирать, фиксировать материал о драматических событиях в Галанчожском районе. Сегодняшний наш рассказ — часть истории его жизни.

...Жандар и Ясу пасли овец в окрестностях Хайбаха: не хотели они, чтобы пустовала эта земля, чтобы только души умерших навещали развалины их родных очагов. Поселившись после ссылки на равнине, они приходили сюда со своими отарами и поддерживали жизнь не по своей воле покинутой родины, к которой им не позволено было вернуться. Саламат во время каникул присоединялся к ним.

Как-то ночью — было это в 1968 году — сидели они у костра. Луна освещала горы мягким светом. Запах трав стелился над землей, невдалеке журчал ручеек, вздыхали, расположившиеся на ночлег, овцы. Жизнь, подчеркнутая красотой природы, была особенно прекрасной и желанной. И особенной печалью щемили сердце воспоминания о той трагедии, которая разыгралась в этих горах.

— Ваша, — спросил Саламат у Жандара, своего дядю, — если бы сейчас к тебе привели виновников смерти твоего брата, что бы ты с ними сделал?

Жандар задумался. Молчал и Ясу, самый младший из братьев Гаевых. Отблески костра плясали на его белой, длинной по пояс, бороде. Тогда, после адской работы на пепелище, каждый из участников погребения дал какой-то обет. Ясу в знак вечного траура решил не брить бороду.

Саламат ждал ответа...

Джанарали, отца Саламата и одного из братьев Жандара, арестовали по ложному обвинению еще до войны. В 1942-м он скончался от тягот тюремной жизни, оставив свою жену с четырьмя малолетними детьми, младший из которых, Ваха, родился уже после его ареста. Бумага о реабилитации хозяина пришла в дом Гаевых в 1963 году. Да не принесла радости, ведь человека, бессмысленно загубленного, уже было не вернуть, не вернуть и маленького, умершего в Казахстане, Ваху.

Горцы жили за счет скотоводства. Овец, коров держали не только там, где непосредственно стоял дом, но и в загонах, фермах, построенных в отдаленных урочищах. Время от времени там находился кто-нибудь из членов семьи. Так жила и овдовевшая Езихат. Братья мужа, конечно, поддерживали ее, помогали, заботились о детях, но все-таки она осталась в доме и за хозяйку, и за хозяина. В заботах и хлопотах дожила она и до февраля 1944 года — до рокового для народа дня. Несколько дней назад, взяв всех четверых детей, она ушла в дальнее урочище, где в загоне стоял молодняк. За домом в Хайбахе, как обычно, присмотрят родственники. Пробыли они на ферме, ничего не зная о случившемся. А потом Езихат заподозрила неладное... Что-то тревожное в воздухе носилось...

Оставив детей на попечение старшей дочери, одиннадцатилетней Асмы, она пошла в село. Вернулась — лица на ней не было. На хуторе никого уже не осталось. Не было и солдат. Дома царил беспорядок. Все было перевернуто. Подушки разорваны, три сундука, в которых хранились наиболее дорогие вещи, были разбиты. Так для Езихат Гаевой и ее четырех детей началась совсем иная жизнь. Встречаясь украдкой с теми, кто случайно, как и она, или намеренно ушел от выселения, узнала, что отныне все они считаются бандитами и подлежат расправе без суда и следствия.

Начались скитания, мучительные переходы по горам. Место укрытия меняли каждые два-три дня. Лишь изредка Езихат уходила, чтобы встретиться с кем-нибудь из родственников, получить помощь, взять горсть муки или кусок мяса, который, побив камнем, ели прямо сырым — огонь разводить было опасно.

Большими группами не собирались. И дети, замотанные в тряпки, голодные, подолгу, иной раз сутками, сидели в какой-нибудь пещере, выемке скалы, а то и в дупле огромного дерева. Маленький Ваха, даже несмотря на мокрые штанишки, на голод, не плакал, сидел не шелохнувшись, потому что уже знал: рядом опасность. Опасность была всюду. Боялись пить воду и есть найденную пищу — травились. Боялись выходить на тропу — нарывались на засаду. Потом боялись оставаться и в пещерах: все они были под наблюдением солдат — пришлось перебраться в лес. Ходили вокруг своих порушенных жилищ, но зайти боялись — там минировалось. Как-то — это было уже в апреле — залезли в только что освобожденную медвежью берлогу. Несмотря на стоявший в ней невыносимый запах, дети и мать, тесно прижавшись друг к другу, крепко заснули, может быть, впервые за долгое время, это убежище казалось им надежным. А ночью выпал снег. Выбравшись из берлоги на рассвете, Езихат похолодела: вокруг виднелись медвежьи следы. Испугавшись неожиданного снега, хозяин берлоги, видимо, решил вернуться домой, но учуяв незваных гостей — не побеспокоил их, потоптался и ушел.

Зато солдаты начали прочесывать лес. Они шли цепью, на расстоянии пяти метров друг от друга. Многих тогда загубили, многих выловили. Но Езихат с детьми и тогда уцелела: прятались, перебрались с уступа на уступ. Пятилетнему Саламату — маленькому чесмышленышу, становилось весело, когда мать, посадив его на закорки, еле-еле карабкалась по утесу, скользя, срывалась назад, поднималась и, оставив его на уступе, спускалась за Вахой, потом за Аламатом. Потом вместе с помощницей Асмой втаскивала узлы с нехитрыми, но столь дорогими пожитками. День и ночь молитва не сходила с губ матери, день и ночь она призывала на помощь всех святых, потому что надеяться не на кого: сородичи сами спасались, кто как мог.

Два месяца и восемь дней длилась эта мука.

— Это точное число, я вам говорю, — сказал мне Халид Наврузов, двоюродный брат Саламата, уроженец хутора Моцкара.

Выселение застало его и сестру тоже на ферме, где они ухаживали за молодняком. За день до 23-го к ним пришел отец — принес продукты. Побыв с ними несколько дней, он ушел домой, но вскоре вернулся назад. Его бледное, покрывшееся испариной лицо, испугало детей. Отец рассказал то, что ему удалось узнать, сообщил также, что четверо других детей вместе с матерью были вывезены. Так начали свои скитания и Наврузовы. Шепа, отец Халида, был человек удивительный. Из тех, кому природа раскрывает свои тайны. Он мог предсказать, какая будет погода за несколько месяцев вперед — и не ошибался. Он был учителем, бухгалтером, пастухом и плотником, умел удалять зубы и лечить переломы, знал ветеринарное дело. Его знания и навыки очень выручали скитальцев. Узнав о том, что произошло в Хайбахе, Шепа отправился туда вместе с сыном. Группа людей во главе с Жандаром Гаевым разгребала пепелище. Обезображенные останки клали на самодельные носилки и переносили к траншее, продолбленной в мерзлой земле. Никого не узнавали. Только своего брата Гуту распознал Жандар по бороде — она уцелела, потому что он упал лицом в землю. Халид и другие подростки держали над огоньком зажженной свечи (работали по ночам) кошму, прикрывая свет от взоров солдат. Это было ужасно.

Две ночи провел Халид на погребении, его начало рвать от стоявшего над пепелищем запаха и в третий раз он уже не пошел. Но и этого было достаточно, чтобы окаменеть на всю жизнь. «Два месяца и восемь дней мы скитались»,— говорит Халид и у него, немолодого уже и по виду сурового мужчины, начинает дрожать голос. Признается: «Чем старше становлюсь, тем тяжелее это вспоминать».

Наступил предел отчаянию. Нужно было искать выход. И тогда взрослые мужчины, чувствующие на себе ответственность за весь нашхоевский род, решили собраться в пятницу на горе Куока-корта. Издревле шло это: в дни большого народного горя около сорока мужчин приходили на вершину этой священной горы и часть ночи проводили в молитве, прося Всевышнего о помощи. И в этот раз, собравшись там, мужчины сказали: надо просить Бога, иначе, когда опадут листья, мы все погибнем, нам уже негде будет прятаться, нечего будет есть. Всех перестреляют, как диких зверей...

Видимо, отчаянная мольба, оказавшихся в безнадежном положении людей, была услышана. Не прошло и двух недель после этого, как появились в горах известные, почитаемые в народе шейхи Бауди Арсанов и Абдул-Хамид Яндаров, мобилизованные властями для сбора оставшихся в горах людей. Роль этих шейхов еще предстоит изучить и объективно осветить историкам. Саламат же Гаев оценивает ее совершенно конкретно: «Благодаря им было спасено много людей». Яндаров и Арсанов согласились выполнить возложенную на них миссию при том условии, что солдаты уйдут. Это было сделано, и шейхи пошли по горам, скликая прячущихся людей, обещая, что они не будут наказаны. Многие скитальцы с опаской, с недоверием относились к этим заверениям, но минувшие после выселения месяцы были для них кромешным адом, и они решили положиться на судьбу.

Выходили из пещер, медвежьих берлог, из всех укромных местечек. Вышла и Езихат с донельзя ослабевшими больными детьми. Пока собирали остальных, Гаевых поселили в Рошни-Чу, в пустом доме. Было лето и можно найти еду в бесхозных садах и огородах. А стоявшие здесь солдаты уже никого не трогали. Приближалась осень, группа для отправки в Среднюю Азию сформировалась. Как и другие, Езихат получила несколько килограммов зерна.

— Берите зерна,сколько сумеете раздобыть, — наставлял Яндаров, — кладите в карманы, везде, куда можно положить...

Так началась дорога в Казахстан.

...Много лет спустя, повзрослев, Саламат будет фиксировать все, услышанное от своих близких. Судьба сведет его с поэтом Ахмадом Сулеймановым, собравшим большой материал о выселении народа. Оба они, опасаясь всевидящего ока КГБ, будут хранить до поры до времени в тайне то, что им удалось узнать — будут хранить для истории.

Уже нет в живых Езихат, прожившей жизнь длиной в сто лет. Уже нет дяди Жандара и многих из тех, кто вместе с ним хоронил сожженных. Уже позади и та августовская ночь 1990 года, когда Саламат остался ночевать в Хайбахе, ожидая приезда представителей прокуратуры: он должен был вручить им для экспертизы пакет с останками, обнаруженными при вскрытии захоронения. В ту августовскую ночь и вспомнил он лето 1968 года, когда спросил у Жандара: «Ваша, что бы ты сделал, если бы к тебе привели виновников смерти твоего брата?» Белобородый Ясу так и не сказал ни слова. А Жандар, после некоторого молчания, ответил: «Если бы их всех вместе связали и привели бы ко мне, честное слово, я бы ничего не сделал. Я бы их сегодня не тронул».

Саламат тогда удивился, смысл этих слов открылся ему гораздо позже.

М. КАТЫШЕВА.

Семь раз отмерь, один отрежь

Какие проблемы только не сваливаются на наших современниц в такое нелегкое время, как нынешнее. Что приготовить, к примеру, на завтрак или обед? Во что обуть и одеть детвору? Словом, вопросы, вопросы...

Однако если женщина умеет шить, значит, часть проблем уже будет разрешена. Ведь можно воспользоваться содержимым «бабушкиного сундука», и вышедшие из моды старые вещи переделать на современный лад или сшить из них обновку малышам.

Так считает Э. Сандова, пришедшая после окончания средней школы, четыре года назад в ателье № 17 производственного объединения «Чечингшвейбыт». Эсила с большим упорством и желанием осваивала профессию. Она, как губка впитывала все, чему учили ее опытные мастера и закройщики.

Г. ЧЕРТКОВА.

Фото С. ХУГАЕВА.

КАК ГОТОВИЛАСЬ ОПЕРАЦИЯ ПО ВЫСЕЛЕНИЮ ЧЕЧЕНЦЕВ И ИНГУШЕЙ

(Окончание. Начало в № 37 за 22 февраля с. г.).

Концентрация войск

Итого 10 рот, плюс 3 спецвзвода под руководством 3-х штабов (полка и 2-х батальонов), 16 стрелковых подразделений на 8 селений, фактически хуторов. Думаю, что в них (во всяком случае, в некоторых из них) жителей-то было меньше, нежели этих самых стрелков.

Во-вторых, руководил операцией в каждом из районов, как минимум, один генерал. Всего, получается, два десятка генералов, не считая северокавказских генералов-гэбистов, а также прибывших в свите Берия его сподручных — замов, разных кобулогых, мамуловых...

И такое количество генералов на 200 тысяч солдат и офицеров.

Вспомним, что в этот период в сражающихся с врагом армиях, как правило, было по одному генералу, в редких случаях несколько больше. А какой фронт (не армия, а фронт!) мог похвалиться наличием двух десятков генералов?

Установка: «Не пренебрегать добротой... использовать ее в наших интересах»

Итак, «легендарная и непобедимая», родная армия была радостно встречена населением, расквартирована в общественных зданиях, в домах жителей.

Ее действительно приняли как родную. Солдаты и офицеры были окружены искренней заботой и вниманием. Жители селений нередко обеспечивали их мясом и иными продуктами бесплатно, приглашали в гости, потчевали обильными, по тем временам, яствами. Им верили, и с интересом наблюдали за их «учениями». Население стало привыкать к их строевым занятиям, стрельбам...

Теперь, спустя почти полвека, многим кажутся (особенно поколениям, не испытавшим на себе депортацию) преувеличенными или даже не соответствующими действительности рассказы пожилых вайнахов о том, с какой теплотой они встречали своих... палачей.

Это трудно объяснить одним, а другим понять. Но это было. И свидетельства исходят не только и не столько от выселенных, сколько от выселявших (офицеры СА и ВВ НКВД).

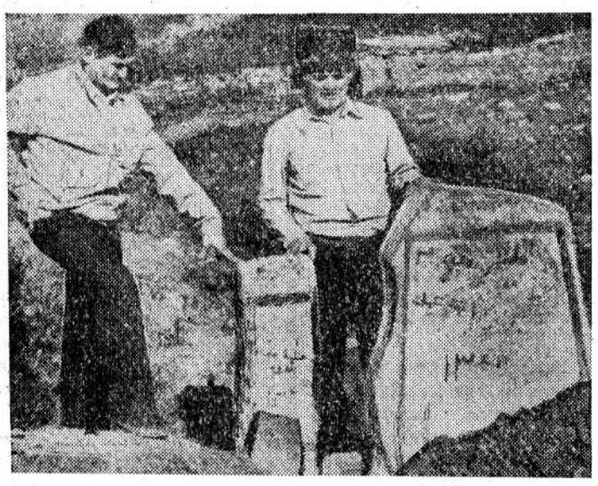
Курсанты Ленинградского военного училища «с местными жителями быстро наладили дружбу». Один из них, Э. Левин, в 1990 году в «Ленинградском рабочем» свидетельствовал: **«Нас приглашали в сакли, угощали горячими кукурузными лепешками, делились табаком-самосадом «Шамиль», от которого захватывало дух».** «Очень скоро, продолжает он, многих мы знали в лицо, называли по именам, в выходные дни устраивали состязания в плясках, угощали ребятишек кусочками сахара».

Обратимся к архивным документам. Тот же командир 40-го стрелкового полка полковник Гавриш, после трехнедельного пребывания частей его полка в вышеназванных 7 селах-хуторах с удовлетворением доносил командиру стрелковой дивизии ВВ НКВД Герасименко: **«Во всех населенных пунктах люди встретили наши войска доброжелательно. Всеми способами стараются помочь нашим гарнизонам. Так, например, жители Майстинского сельсовета... на себе, на своих мулах и ишаках в порядке добровольной инициативы от подножия горы, куда доставлен был груз конным транспортом, подносят или подвозят для гарнизонов продовольствие.**

Жители этих населенных пунктов преподносят нашим бойцам подарки и предложили обеспечить все гарнизоны дровами из собственных запасов.

В селениях Хельдехоройского сельсовета — Порой, Пажи-Порой, Чемги, жители также помогают доставлять продовольствие. Из-за невозможности подавать продовольствие к гарнизонам Чемги и Тюли ишачьим и конным транспортом население Чемги и Пажи-Порой вместе с бойцами переносят к месту назначения продовольствие на себе. Аналогичное отношение к нашим войскам и в других гарнизонах. Всем начальникам гарнизонов, дано указание не пренебрегать этой добротой, использовать ее в наших интересах и одновременно повышать бдительность»,

«Берегли эту доброту» строго. Особенно в этом деле отличились офицеры внутренних войск. Что же касается офицеров-гэбистов, уполномоченных НКВД по населенным пунктам, то их жестокости, бесчеловечности, казалось, не было предела. Они порой доходили до дикости: представляли солдата, «случайно» убившего местного жителя, к... награде.



Народ не верит слухам...

До поры до времени все шло в соответствии с тщательно и в строжайшей секретности спланированным сценарием.

«Чтобы все выглядело достоверно, — пишет тот же Э. Левин, — **с наступлением темноты мы уходили на окраины аулов и инсценировали атаки. Возвращались с бодрой красноармейской песней».**

Поэтому-то народ, веря, что войска действительно учатся воевать в горных условиях, т. е. «за Карпаты», к которым приближался фронт, внес даже свой вклад в успех этих учений. Выразился он в ремонте и строительстве дорог, особенно в горных районах. Так, жители Галашкинского района решили выделить войскам для выполнения работ 1200 лошадей, отремонтировать 35 верст дорог, 5 мостов. (Своеобразный вклад в успешное выполнение акции по выселению самих себя)-.

Однако по мере приближения даты начала операции информация о ней, как ни старались ее организаторы из ведомства Берии, просочилась к офицерам. И многие из них, рискуя жизнью, под строгим секретом сообщали ее чеченцам и ингушам.

Я подчеркиваю: именно многие, а не единицы.

В каждом селе многие жители — представители старшего поколения, подтверждают, что в той или иной форме их предупреждали о готовящемся выселении.

Предупреждали за неделю, а то и за пару недель. (Замечу в скобках. Данное обстоятельство, по достоинству оцененное уже после свершения трагедии, служит одним из оснований того, что в душах чеченцев и ингушей не родилась обида ни на какой народ).

Но произошло невероятное: этим предупреждениям народ не поверил.

Почему же так случилось?

Искать ответ на этот чрезвычайно важный вопрос мне приходится через критическое преодоление вывода, пущенного в обиход Н. Бугаем. Сводится он к следующему, однозначно категоричному выводу: **«...О готовящемся выселении чеченцев и ингушей знали руководящие работники на местах и не только Чечено-Ингушетии».**

И далее он приводит факт, подтверждающий вторую часть данного вывода: еще в конце декабря 1943 года об этом знали наркомы НКВД соседних республик. Но из этого вовсе не следует, что о задуманной акции знали руководящие работники Чечено-Ингушетии.

Во-первых, наркомы НКВД (НКВД, а не какие-либо другие наркоматы!)

Во-вторых, в Чечено-Ингушетии представители чеченцев и ингушей не занимали как этот пост, так и пост первого секретаря обкома.

В-третьих, «руководящие работники» рангом ниже, да еще в декабре 1943 г. по официальным каналам не могли иметь эту информацию. Иной вывод противоречит элементарной логике, ибо была бы потеряна тайна подготовки операции.

В силу этих обстоятельств, вывод сам собой разумеющийся для Н. Бугая (поэтому-то он даже не делает попытки обосновать его) весьма сомнителен и вряд ли соответствует действительности.

Сказать об этом меня заставляют несколько обстоятельств, играющих определенное значение и поныне.

Во-первых, стремление найти правду.

Во-вторых, вывод сделан авторитетным историком и впервые вводится в научный оборот.

В-третьих, (и это не менее важное обстоятельство, особенно в условиях Чечено-Ингушетии) этот вывод объективно укрепляет позиции обывателей из числа самих чеченцев и ингушей, зачисляющих своих соплеменников из руководства республики чуть ли не в главные виновники выселения.

Но Н. Бугай приводит несколько раз еще один, на его взгляд, весьма серьезный довод. В райкомах горных районов проводились заседания, на которых **«разрабатывались конкретные мероприятия по обеспечению операции».** При этом он ссылается на решение Галашкинского РК ВКП(б) о мобилизации трудящихся района на строительство и ремонт дорог и мостов.

Вольно или невольно в данном случае автором допущена подмена содержания повесток дня этого и других подобных совещаний всех уровней.

Да, на них **«разрабатывались конкретные мероприятия»,** но не по обеспечению операции, как он пишет, а **«по обеспечению подготовки тактических учений... в горных условиях».**

Есть документальные свидетельства, говорящие о том, что участники этого уровня совещаний не знали о надвигающейся опасности вплоть до утра 22-го февраля. Речь идет о председателях колхозов горных районов, т. е. об участниках именно тех районных совещаний, о которых говорит Н. Ф. Бугай.

«В 5 часов утра 23 февраля повелительный стук в дверь выводил их на улицу... и он слышал исходящий от командира группы солдат приказ: «Дело есть срочное... Сегодня праздник, день Красной Армии. Едет большой начальник, будет митинг. Собирай всех до единого и за нами». Это вспоминает один из тех, кто отдавал такие приказания.

Тайна охранялась на всех уровнях строжайшим образом, и руководящие работники республики, во всяком случае, из числа чеченцев и ингушей и близко к ней не допускались.

Тайна была сохранена вплоть до середины февраля 1944 г. Она осталась не доступной народу (точнее, не осознанной им) даже, когда ее рассекретили, движимые благородными помыслами армейские (не гэбистские) офицеры.

Это стало возможным благодаря крупномасштабной продолжительной работе по дезинформации. Добавлю объективности ради, работа эта была во всех отношениях налажена превосходно. Объектом воздействия были все слои населения, представители всех народов, работники всех уровней, включая служителей Ислама от рядовых до самых авторитетных, признанных народом в качестве шейхов и их потомков.

К разным категориям людей применялись самые разные методы и средства воздействия, начиная от агитационно-пропагандистских до материальных.

Работа носила дифференцированный характер, в зависимости от объекта воздействия и цели воздействия. Формы и методы распространения дезинформации строились с учетом мировоззрения и психологии, традиций, бытового сознания, сложившихся стереотипов во взаимоотношениях народов Терека.

Назову некоторые из этих дезинформационных мероприятий.

Прежде всего очистили местный НКВД от чеченцев и ингушей, входивших в руководящее ядро аппарата и поэтому представлявших потенциально опасность для возможной утечки секретной информации.

Под благовидным предлогом повышения их **«отозвали в распоряжение НКВД СССР»,** под крылышко самого Берия (их было-то всего 3 человека).

«В связи с тактическими учениями войск...» умело и мощно эксплуатировалась история народа, в особенности его революционные заслуги и любовь к Красной Армии.

На общественных зданиях и даже частных домах стали появляться плакаты-призывы: **«Дорогие товарищи чеченцы и ингуши! Почетные старики! Поможем частям Красной Армии в проведении маневров в горных условиях».**

Организаторы столь масштабной операции не могли, конечно, питать иллюзии относительно возможности сохранить свой коварный план в тайне от народа. На этом этапе на население была обрушена мощнейшая атака всех мыслимых и немыслимых сил. В ход пошли самые безнравственные и просто преступные действия. Объектами воздействия этих сил стали главным образом потенциальные обладатели информации о надвигающейся национальной катастрофе.

За чеченцами и ингушами — работниками НКВД началась негласная слежка. Многих партийных, советских работников психологически подавляли страхом наказания. По крайней мере часть священников заставляли молчать тем же способом.

Вершинным достижением среди самых преступных и грязных мер, видимо, надо считать те, с помощью которых заставили самых авторитетных священнослужителей ислама «строиться». К их домам подвезли в большом количестве стройматериалы. Разумеется, сделано это было бесплатно и без каких-либо ходатайств со стороны хозяев — «строителей».

Они, конечно, знали (не могли не знать) об истинных целях предстоящей акции, но сказать об этом публично не могли, не решались. Они, видимо, хорошо знали истинную цену режиму, который затеял этот кровавый спектакль.

Его авторы достигли цели: массы отвергли сообщенную им правду о готовящейся над ними расправе. Они убежденно думали: если бы это была правда, то дин дай (буквально: отцы религии) не занимались бы столь мирскими делами.

Они предпочли обман правде. Точнее, приняли обман за правду, а правду за обман. Хорошо это или плохо? Искренне говорю, не знаю. Ведь, возобладай тогда правда над обманом, массовое сопротивление, видимо, стало бы неизбежным. А оно при тех условиях (огромное количество войск, рассредоточенных во всех населенных пунктах) могло привести к фактическому уничтожению народа.

17 февраля Л. П. Берия сообщает телеграммой И. В. Сталину: **«Подготовка операции по выселению чеченцев и ингушей заканчивается. После уточнения взято на учет подлежащих переселению 459486 человек, включая проживающих в районах Дагестана, граничащих с Чечено-Ингушетией и в городе Владикавказе. В частности, к выселению будут привлечены 6—7 тысяч дагестанцев, три тысячи осетин из колхозного и совхозного актива, а также сельские активисты из числа русских».**

Команда Л. П. Берия не смогла сформировать подобный актив из числа самих чеченцев и ингушей. Во-первых, по имеющимся документальным материалам чеченцам и ингушам, включая и самых высоких из их числа начальников, о решении Кремля от 31 января стало известно не ранее 18 февраля, а, быть может, и только 22 февраля.

И потом, трудно допустить, чтобы из числа самих выселяемых нашлось сколько-нибудь значительное число нужных бериевским палачам активистав.

«40 республиканских партийных и советских работников из чеченцев и ингушей нами прикреплены к 14 районам с задачей подобрать из местного актива по каждому населенному пункту по 2—3 человека для агитации», — говорится в телеграмме Л. П. Берия И. В. Сталину от 22 февраля 1944 года.

В чем должна была заключаться требуемая от них агитация? На сей счет в тексте телеграммы нет ни одного слова. Но, думается, мы не ошибемся, если допустим, что активисты призывались к агитации против сопротивления во время выселения. Любое другое предположение в той конкретной ситуации алогично и просто неестественно.

В этом же духе, видимо, надо понимать и призывы Л. Берия к религиозным авторитетам республики.

В той же телеграмме Сталину он пишет: **«Была беседа с наиболее влиятельными в Чечено-Ингушетии духовными лицами Б. Арсановым, А.-Г. Яндаровым и А. Гайсумовым, они призывались оказать помощь через мулл и других местных авторитетов».**

О той же «помощи», очевидно, шла речь и в беседах Л. П. Берия с председнарком ЧИАССР Моллаевым Супьяном и «руководящими работниками из чеченцев и ингушей» которым объявлено о выселении.

Есть достаточные основания для вывода: **все они (С. Моллаев, Б. Арсанов, А.-Г. Яндаров, А. Гайсумов и «9 руководящих работников» и те 40... работников, прикрепленных к районам)** узнали о выселении, во-первых, из уст Берии или его замов и, во-вторых, произошло это не ранее 22 февраля.

Знать это обстоятельство и иметь его в виду в последний год стало очень важно. В условиях брожения умов, вызванного распадом СССР и усилением движения за национальную независимость, политические партии, общественные движения усиленно эксплуатируют историю и роль в ней личностей в угоду своим узкогрупповым интересам. Проще говоря, извращают историю ради достижения сиюминутных целей, удовлетворения политических амбиций, достижения победы над политическим противником.

Бурные события второй половины прошлого года, включаемые многими в понятие «Чеченская революция», дают нам примеров в этом плане более чем достаточно.

«Посадочная площадка — аэродром» — завершающая часть операции

За неделю до 23 февраля подготовка операции вступила в завершающую стадию. Доказательством чего является следующее обстоятельство: войска под руководством начальников - гэбистов приступили к арестам или физическому уничтожению лиц, заранее **«намеченных к изъятию в связи с операцией».**

Это была завершающая все подготовительные работы операция по аресту или ликвидации **«антисоветского элемента».**

В Итумкалинском районе она началась 21 февраля. Осуществляли ее солдаты 40-го стрелкового полка. 21 февраля группа оперработников во главе с капитаном-гэбистом Гардышевским, окружив дом Итаева О., врывается в него. Итаев бежит. **«Раздаются выстрелы, но безрезультатно... скрылся».**

В то же время на пути из хутора Пажехой в хутор Саканхой бежит из-под конвоя Бабугов Муса. Стрельба по нему **«оказалась безрезультатной».**

22 февраля. Во время конвоирования в хутор Того **«группой бойцов с оперуполномоченными»** пытается **«оказать сопротивление Гушев», но «выстрелом, произведенным ст. сержантом Поляковым... убит».**

Маска добрых советских воинов, совершенствующих боевое мастерство в горах Чечено - Ингушетии, чтобы успешно бить фашистов в далеких Карпатах, сброшена, скрывать уже нечего. События, искусно направляемые из центра, неумолимо двигаются к кровавой развязке. Адская машина, запущенная величайшими злодеями в истории, набирает все большую и большую скорость.

Руководство операцией начинает переходить к генералам, которые должны непосредственно осуществлять командование над 200 тысячами войск...

Уже завершена кропотливая работа над сверхсекретным планом операции «Посадочная площадка — «аэродром». Суть его сводилась к следующему: сбор мужчин отдельно от семей на «посадочной площадке» (площадь, мечеть или окраина села) и конвоирование их на «аэродром» (заранее определенное место для сбора жителей определенного района).

Была в этом сверхсекретном плане сверхсекретная часть. Те, кто реализовывал этот план, определяли ее цель следующим образом: **«не допустить связи между аулами», для чего «на тропах и дорогах к началу действий иметь боевые заслоны».**

Для этих «боевых заслонов» на рассвете 23 февраля «ровно в пять часов утра вступал в силу приказ: каждый входящий или выходящий из населенного пункта без предупреждения ликвидируется на месте».

«Телеграмма

Государственный комитет обороны,

Товарищу Сталину

Выселение начинается с рассвета 23 февраля с. г... Население будет приглашено на сход, часть схода будет отпущена для сбора вещей, а остальная часть разоружена и доставлена к местам погрузки. Считаю, что операция по выселению чеченцев и ингушей будет проведена успешно.

22 февраля 1944 г. Л. Берия».

Абдула ВАЦУЕВ,
председатель совета общества «Мемориал».

ЭХО МИНУВШЕГО

...А МЫ ЕЩЕ НЕ ДОМА

Это было в моем детстве. По заснеженным просторам катили товарные вагоны. В них везли людей. Их было тысячи, десятки тысяч. Женщин, мужчин, стариков и детей. Спецпереселенцы. Это были мы.

Когда поезд останавливался, вагоны оцеплялись автоматчиками в валенках и полушубках. Люди, которых везли, были в большинстве разутые и раздетые.

Наконец, поезд прибыл на станцию Киялы Северо-Казахстанской железной дороги. Нас выгрузили из вагонов и определили на жительство в окрестных селах. Без еды и одежды люди заболевали и умирали ежедневно. Живые не успевали их хоронить. Глубоко промерзшая земля трудно поддавалась в 50-градусный мороз копке. Ее оттаивали с помощью костров. Незахороненные трупы находили весной после таяния снегов на полях и обочинах дорог. Это были наши братья и отцы — ингуши и чеченцы.

Жили на чужбине в страхе. Отлучка из села без разрешения спецкомендатуры каралась судом, лишением свободы. Даже разговаривать на родном языке было небезопасно.

Теперь о том периоде мы знаем всю правду. Несчастье постигло не только ингушей и чеченцев. Под гнетом геноцида находились еще десять народов, тоже лишенных своей государственности, выброшенных со своей исторической родины. Это было неслыханным злодеянием со времен сотворения мира и результатом сталинской национальной политики.

Все это всплыло в памяти, когда на днях участвовал в качестве делегата в работе чрезвычайного съезда Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации, слушал доклад ее председателя И. Алиева, выступления других ораторов.

Чуть ли не полвека прошло с той трагической даты, когда древнейший народ Кавказа, создавший на этой земле несравненные памятники материальной культуры, был отправлен в изгнание. Многое изменилось в жизни каждого из нас и в жизни страны за это время. Не стало тирана Сталина. Расстрелян его подручный и палач Берия. Остался в прошлом застойный период. Разогнан ГКЧП. Развалился СССР. Образовался СНГ.

Но для репрессированных народов все это еще не принесло должного облегчения. Большинство из них, несмотря на то, что парламентом России принят Закон о реабилитации, продолжает оставаться за пределами своих этнических, исторически принадлежащих им территорий. Не могут вернуться на землю отцов. Там теперь звучит иная речь иных народов, почитаются иные обычаи и традиции.

Аннексированы в пользу Северной Осетии десятки населенных пунктов, десятки тысяч гектаров плодороднейшей земли, на которых до выселения проживало 46 процентов ингушского населения. Ни земли эти, ни дома не возвращаются их законным хозяевам. Те же ингуши, которым наперекор трудностям все же удалось вернуться в родные села, влачат бесправное существование. В отношении их приняты драконовские меры, в числе которых — и мораторий на прописку последних в Пригородном районе, на продажу им домов здесь, на изменение существующих территориальных границ и открытое стремление поссорить казаков с ингушами. Разве так поступают добрые соседи?

Средства массовой информации сегодня много говорят о незащищенности «самой маленькой республики Кавказа», об обидах, которые она терпит от грузин. Но чем лучше сами осетины? На земли ингушской части Пригородного района осетинское руководство форсированно подселяют беженцев из Южной Осетии, в то время, как 50 тысяч коренных жителей этих мест — в изгнании. И этот противоречивый акт поставлен под защиту воинских формирований, пушек, танков, бронетранспортеров, пулеметов и автоматов. Экстремисты открыто выступают с лозунгами вроде: «Отвоюем земли для наших детей!», «Были ваши земли, будут наши!», «Прогоним ингушей!».

Примечательно, что вооруженные силы, в числе которых и две тысячи национальных гвардейцев, содержатся на те миллионы рублей, которые Россия выделяет в виде помощи беженцам из Южной Осетии.

Обо всем этом шла речь в выступлениях на съезде заместителя председателя Конфедерации репрессированных народов С. Ахильгова, члена Координационного комитета Ингушетии Я. Куштова, члена Народного Совета Ингушетии Б. Чахкиева, делегата от ингушского населения Северной Осетии М. Ахильгова.

Ингуши не одиноки в столь печальной своей судьбе. Более трагична участь, постигшая турок-месхетинцев. Их сначала выслали из Грузии в Среднюю Азию и через много лет, когда они заговорили о своем праве на возвращение на историческую родину в Месхетию, депортировали повторно. Но и на новых местах жизнь не сложилась.

— Часть моих земляков поселились в Краснодарском и Ставропольском краях, — сказал представитель от этого народа Ю. Сарваров. — Помощи нам от государства не оказывается никакой. Зато новая волна невзгод, чувствуем, надвигается. Казаки недовольны нашим соседством...

Свои трудности с национальным возрождением у крымских татар, немцев Поволжья, корейцев Сучана, карачаевцев, балкарцев, курдов, греков и других, подвергшихся сталинскому геноциду народов. В связи с этим на съезде остро звучала критика в адрес правительства и парламента Российской Федерации, принявших Закон «О реабилитации репрессированных народов», но не исполнивших его. Поскольку репрессированные народы проживают не только в РФ, но и в других странах СНГ, ставился вопрос о преобразовании Конфедерации репрессированных народов Российской Федерации в Конфедерацию межгосударственную, чтобы тем самым превратить ее в более надежный инструмент защиты интересов своих подопечных.

Съезд принял обращение на имя Президента Б. Н. Ельцина и парламента РФ с требованием ускорить восстановление политических, территориальных и социальных прав репрессированных народов. Тут же направил телеграмму в адрес участников встречи СНГ, состоявшейся в тот день в Минске, с просьбой оказать Конфедерации поддержку в решении ее проблем.

Обратился съезд и к Генеральному секретарю ООН Б. Гали с просьбой потребовать от РФ и других государств СНГ признания репрессий против народов актом геноцида в соответствии с Конвенцией ООН «О предупреждении преступления геноцида и наказания за него».

По всем этим и другим обсуждавшимся вопросам съезд принял резолюцию и наметил конкретную программу действий, направленную на ускорение реализации Закона о репрессированных народах.

В работе съезда принял участие и выступил заместитель председателя комиссии Верховного Совета Росийской Федерации по реализации Закона «О реабилитации репрессированных народов» А. Чайковский, который, в частности, сказал, что в аппарате президента готовится ряд указов отдельно по каждому репрессированному народу.

М. МАЗИЕВ,
спецкор. «Голоса Чечено - Ингушетии».

Сегодня — телемарафон!

Он начнется в помещении Госцирка, в 15 часов. Телемарафон соберет тех, кто озабочен историей народа, в чьем сердце его боль.

Артисты театра имени Х. Нурадилова в форме инсценировки расскажут о трагедии, произошедшей в горах Галанчожского района. Этому будет посвящена выставка материалов и документов, подготовленная краеведами республики. Об этом — и фильм оператора Северо-Кавказской студии кинохроники Бориса Насимова. И будут, конечно, скорбные воспоминания непосредственных свидетелей тех событий.

Расчетный счет народного фонда памяти жертв Хайбаха № 000700714 в Урус-Мартановском филиале Агропромбанка, МФО 281089. Перечисленные вами средства пойдут на благородные цели — увековечивание в мемориальном комплексе памяти безвинно погибших.

Литература и жизнь

«О ТОМ НЕ ПЕЛИ НАШИ ОДЫ»,

или История репрессированной книги

ДАЖЕ отважный А. Твардовский не сразу напишет о том,

Что в час лихой,
закон презрев,
Он (Сталин) мог
на целые народы
Обрушить свой
верховный гнев.

Действительно, «о том не пели наши оды». И очень долго. Сама тема переселения народов с родных земель на чужбину была заповедной, запретной, крамольной для всей литературы.

Сыны же оклеветанных народов вынуждены были молчать еще дольше, хотя душу терзали и обида, и гнев, хотя покоя не давали и горестные раздумья, и память о пережитом.

Они вынуждены были молчать, ибо голос их все равно не доходил до читателей. Однако это вовсе не значило, что художники бездействовали. Они писали свои книги сердцем, вынашивая каждую главу со страхом ожидания и сладкой мукой, как мать вынашивает долгожданное и дорогое дитя свое.

...ЭТО было летом в начале шестидесятых. В редакцию стремительно вошел молодой человек. Высокий, стройный, приветливый. Копна черных волос. Пронзительная синева улыбчивых глаз. Представился: Саид Чахкиев, студент литературного института. На стол легли стихи. Как все, написанное за многие лета о журавлях, стихи эти печалили какой-то неизъяснимой светлой печалью, словно уходящее увядающее лето в преддверии неотвратимой осени...

Их напечатали.

Потом были поэмы, рассказы, книги для детей. Так начинался творческий путь молодого поэта, будущего романиста и драматурга. Вскоре театр имени Х. Нурадилова поставил героическую драму С. Чахкиева и Г. Русакова «Когда гибнут сыновья». Вышли романы «Волчьи ночи» и «На второй день утром». Другой театр — имени М. Ю. Лермонтова сыграл полную трагизма драматическую поэму «Чаша слез» по древней легенде о кавказском Прометее. Пьесы молодого драматурга шли в Дагестане и Северной Осетии.

Словом, он выглядел вполне преуспевающим литератором. И мало кто знал, что молодого писателя мучает, жжет, как страшная тайна, книга, которая не может прийти к читателям.

Он начал писать ее еще на студенческой скамье. Роман очень хвалил еще в институте его наставник знаменитый детский писатель Лев Кассиль. Но шли года, а она так и оставалась неизданной. Это была его дипломная работа — роман «Золотые столбы»...

— Расскажи сказку, — как все дети просил маленький Муса своего деда Асхаба. Дед начинает рассказ о мальчике-с-пальчике. Но юному джигиту не по вкусу эта придуманная история.

— Так не бывает в жизни. Ты лучше правду расскажи, — просит он. И дед ведет свой рассказ о том, как в жизни бывает. Как трудно и горько жилось в горах его народу, как пришли богатыри в краснозвездных папахах и позвали горцев в прекрасную страну — коммунизм. Насколько хватило фантазии у старого, бесхитростного и чистого сердцем и помыслами Асхаба, увлеченного романтикой благородных идеалов свободы и справедливости на борьбу с Деникиным, поведал он внукам поэтично и наивно об этой прекрасной стране всеобщего благоденствия и равенства, стране, обустроенной светлыми фарфоровыми дорогами и золотыми вдоль них столбами.

Страшным прозрением, разоблачением красивого этого мира обернулась для Асхаба, его внуков Шарипа, Марем и Мусы их дальнейшая жизнь на чужбине. В нее вместилось много горя: и драматическая кончина невестки Роздан, и изломанная судьба сына Байберда, трагедия старого слепого Исраила, не смирившегося, не подчинившегося злым обстоятельствам, и отчаянный бунт мятежного майора Элберда. Жизнь подбрасывала молодому писателю страшноватые сюжеты. Да и писал он свою исповедь, можно сказать, по живым впечатлениям, горячим следам. Но как истинный художник он не позволил ни натурализма, ни смакования душераздирающих деталей. Книга писалась поэтом, и это чувствовалось во всем. Пером его двигали не обозленный ум и не разуверившееся сердце.

Понимая, что у злобы и бессмысленной жестокости нет имени, он не называет ни сердитого капитана, руководившего выселением, ни жестких конвойных, ни трех молодых мародеров на дороге, виновников гибели Роздан. Он считает: это просто темная злая сила. Там же где зло — от низости, коварства, жадности и корысти, писатель останавливается подробней. И тогда перед нами возникает комендант Кадин, скупой Раас, мелкий доносчик Тюльбек. Но с каким теплом, симпатией, хоть и мимолетно, будто оставляя эскиз на память, рисует С. Чахкиев и добродушного солдата Пчелкина, и усталую врачиху Анастасию Елизаровну, и добродушную соседку Асхаба Глашу, и директора совхоза казашку Турсун - апа — женщину непростой судьбы, недюжинной силы духа и мужества.

ЧИСТОТОЙ помыслов, искренней любовью к своему народу и неистребимой верой в силу людского братства дышит этот роман. Но узнали, прочувствовали мы это лишь год назад, получив возможность прочитать книгу, изданную наконец в Москве в издательстве «Советский писатель». Так уж случилось, что и народ вернулся на родину, обживался постепенно в родных горах, а книга о его тринадцатилетней трагедии на чужбине продолжала оставаться арестованной, репрессированной, крамольной. Хотя... за нее не переставали бороться друзья и коллеги писателя.

Сколько упорства потребовалось, прежде чем роман был напечатан сначала на родном языке в альманахе.

«Я остаюсь при своем прежнем и непоколебимом убеждении, что роман Ваш не только поэтичен, но и глубоко патриотичен в самом высоком советском смысле. И служит идеям гуманизма и высокого патриотизма, — писал С. Чахкиеву по этому поводу Лев Кассиль. — И в то же время он утоляет ту жажду правдивой оценки пережитого, которая долго томила самых преданных советской родине людей и не оставляет никаких пятен на светлом фоне взаимоотношений ингушского народа с другими народами страны нашей. Я готов еще и еще писать куда надо о том, чтобы роман Ваш издали отдельной книгой. Но я хочу, чтобы книга Ваша увидела свет. И в Москве, чтобы ее могли прочитать на русском языке взрослые и юные читатели. И я действительно готов быть редактором и, если потребуется, написать короткое предисловие...»

Но до этого было еще так далеко.

В мае 1987 года на совете по прозе при Союзе писателей РСФСР состоялось обсуждение творчества Саида Чахкиева. Грустно было ему сидеть на этом своем празднике. Писатель, отмечавший полувековой юбилей, выслушивал дифирамбы своей практически первой книге.

Н. Е. Шундик взволнованно говорил, что пережитое им и его народом — это такие трагические вещи, которые и Шекспиру не снились по социальному накалу, уникальному проявлению, по своей алогичности, противоречию самой идее человеческого естества.

Игорь Ляпин увидел неразрывную психологическую связь между романами «Волчьи ночи» и «Золотые столбы».

«Начинаешь говорить об одном произведении, так или иначе захватишь тему, о которой говорится в другом. Эти два произведения — такая цельность. И я считаю, что это два писательских поступка. Это поступок писателя Чахкиева и поступок гражданина Чахкиева, сына своего народа и настоящего человека».

После обсуждения родился подписанный С. Михалковым документ, в котором секретариат Союза писателей «со всей ответственностью рекомендовал романы Саида Чахкиева «Волчьи ночи» и «Золотые столбы» для издания в издательстве «Советский писатель» отдельной книгой.

И вот она наконец вышла. В 1991 году пришла она к читателям.

И вот, через тридцать долгих лет, благодаря друзьям, благодаря наставшим новым временам, благодаря творческой дружбе, которая связала еще на студенческой скамье двух талантливых людей — сына репрессированного народа Саида Чахкиева и обездоленного в детстве беспризорника и детдомовца Геннадия Русакова. Путь этого сотрудничества не был лучезарным. Но творчество проверялось дружбой, а дружба честностью в искусстве.

Л. КАЛИТА.

НЕПАЛЬСКИЙ ГОРОСКОП

КАТМАНДУ. (Корр. ИТАР ТАСС Сергей Буланцев).

Козерог рискует посадить на риф корабль своей карьеры: неучтенный вами некий важный фактор обернется неприятными последствиями. Особая осмотрительность рекомендована государственным служащим. Домой придется возвращаться очень поздно. Это может породить антагонистические настроения в семье.

У водолея много хлопот, но все они — приятные. 24 и 25 февраля возможно повышение по службе и получение крупных денег. Воздержитесь от долгосрочных обязательств. Женщины почувствуют себя принцессами: вам грядут подарки и признания в любви.

Рыбы сорвут цветок удачи, заключив выгодную разовую сделку. 29 февраля внимательно слушайте голос интуиции — подсказка будет правильной. Сможете выплатить старый долг. У мужчин — искрометный роман с давней знакомой. Женщинам тучи проблем дома и на работе несколько заслонят радости жизни.

Овен вступает в период, весьма благоприятный в финансовом отношении. Учтите при этом, что вздорный, хоть и искренний совет может сбить вас с толку. Проявите максимум сдержанности в спорах с родителями. Женщина обретет друга, а вместе с ним — преданную любовь.

Для **тельца** обстоятельства повернутся на 180 градусов: избалованных судьбой ждут неприятности, а вот невезучим фортуна улыбнется. Тем из вас, чьи имена начинаются на буквы «а», «м» и «с», предстоит соблазн флирта с очаровательной блудницей или неотразимым обольстителем. Астролог рекомендует спустить пыл искушения на тормозах рассудочности.

От **близнецов** требуется повышенная бдительность и осторожность: на работе враждующие фракции втягивают вас в склоку. Строгий нейтралитет, иначе проиграете. Примите твердое решение на сей счет 25 февраля. Женщинам надо быть предельно внимательными и осторожными на лестнице и скользкой улице — возможны травмы.

Рак. Жар-птица вашей удачи приманила множество потенциальных партнеров. Вам предлагают заманчивые сделки. Астролог напоминает поговорку: не зная броду, не суйся в воду. Дамам максимум такта с сослуживцем, который домогается вашего расположения. В семье вероятны ссоры ни с того, ни с сего.

Лев, занесенный житейской бурей на остров сомнений, отправится в новое счастливое плавание. По всей видимости, оно начнется 28 февраля. Впервые в жизни возникнет желание написать стихи или найти иной способ заявить о своей неординарности.

Деве планеты 28 февраля помогут сделать правильный выбор касательно дальнейшей жизни. Не исключена фундаментальная смена сферы деятельности. Приготовьтесь к бунту младшего поколения семьи. Астролог не рекомендует вам надевать «ежовые рукавицы».

Весы рискуют получить подножку от собственного прихлебателя, которому вы слишком доверились. Уклонитесь от рискованных предприятий на службе и обсуждения спорных вопросов дома. 27 и 28 февраля лучше не садиться за руль.

Скорпиону катастрофически не хватает денег. Женщины близки к отчаянию, потратив последний ничего не стоящий рубль. Потерпите, скоро обстоятельства переменятся к лучшему. Отложите на будущее решение домашних проблем. Можете влюбиться. Астролог советует вам на первых порах проявить напускную холодность.

Стрелец, оказавшийся не у дел, найдет достойную его добродетели работу в частном секторе. Выдвинувшиеся на первый план домашние заботы будут, по большей части, приятными. 26 февраля старательно отшучивайтесь на все колкости супруги или возлюбленного. Ваши романтические наклонности обретут пылкую и необременительную взаимность.

СПРАВКИ ОБЪЯВЛЕНИЯ

Кино

«ЮБИЛЕЙНЫЙ» — **Леди и разбойник,** в 14.40—16.20—18. **Джунгли,** в 9—10.50—12.50.

«РОССИЯ» — **Я объявляю вам войну,** в 11—13—15—17—19. **Потрясающие приключения,** в 9.30.

«КОСМОС» — **Океан** (две серии), в 10—12.30—15—17.30.

«Октябрь» — **Мертвые не умирают,** в 11—15. **Шереметьево-2,** в 13—17.

«ЮНОСТЬ» — **Пять похищенных «монахов»** в 9. **Ванильно-клубничное мороженое,** в 10.20. —12.40—15—17.20.

«РАДУГА» — **Океан** (две серии), в 12.30—15—18.

Дворец культуры им. В. И. ЛЕНИНА — **Гита из Ситапура** (две серии), в 13—16—19.

Телевидение

I ПРОГРАММА

8.00 — Ритмическая гимнастика. 8.30 — Тираж «Спортлото». 8.45 — С утра пораньше. 9.25 — Новые имена. 10.15 — Возможно все. 10.45 — «ЮАР. Прощание с прошлым». Передача 2-я. 11.35 — «Под знаком «Пи». 12.25 — Международный фестиваль телепрограмм народного творчества. (Египет). 12.50 — Клуб путешественников. 13.50 Премьера документального фильма «Адмирал флота Советского Союза». 15.00 — Новости. 15.15 — Форум. 16.00 — XVI зимние Олимпийские игры. 19.15 — Телелотерея. 19.25 — Уолт Дисней представляет... 20.15 — «Баллада о любви». Киноконцерт. 20.50 — Торжественная церемония закрытия XVI зимних Олимпийских игр. 22.00 — Итоги. 22.45 — Встреча с Булатом Окуджавой. 00.00 — Новости. 00.20 — Джазовые портреты. 1.10 — ИТПО «Астра» представляет... «Парадиз-коктейль».

II ПРОГРАММА

8.00 — Вести. 8.20 — «Слышать себя». Художник С. Егоров. 8.40 — Ансамбль «Орнамент». 8.55 — Хотите, верьте. 9.25 — Документальный экран России. 10.25 — Дневник Олимпиады. 11.00 — «Суперкнига». Мультфильм. 1-я серия. 11.30 — Аты-баты... 12.00 — «Ойкумена». Художественно - публицистическая программа. 13.00 — «Зигзаг удачи». Конкурсная программа. 14.00 — Вести. 14.20 — Святое и вечное. Троице-Сергиевская лавра. 14.40 — «Конец игры». Короткометражный художественный фильм. 15.00 — Благотворительная акция «Пеликан». 15.55 — АСИ. 20.05 — Время и события. 20.50 — Закрытие зимних Олимпийских игр. 22.15 — «Ляпсус». Сатирическая программа 22.55 — Реклама. Вести. 23.20 — «Бизнес МН» представляет. 23.30 — Дневник Олимпиады.

24 ФЕВРАЛЯ, ПОНЕДЕЛЬНИК

I ПРОГРАММА

6.00 — Утро. 8.35. — Мультфильм. 9.20 — Премьера документального фильма «След». 9.45 — «Что такое цирк?». 10.25 — Премьера трехсерийного художественного фильма «Времена землемеров». 1-я серия. 11.30 — Премьера документального фильма «Он любил Гирья». 12.00, 15.00, 18.00 — Новости. 14.15 — Телемикст. 15.20 — Это было, было... 15.40 — «Странные взрослые». Художественный фильм. 17.00 — «Золотая антилопа». Мультфильм. 17.30 — «Век просвещения». Научно-популярный фильм. 18.20 — Под знаком «Пи». 18.50 — Мультфильм. 19.00 — Реформа: неделя за неделей. 19.40 — «Времена землемеров». Художественный фильм. 1-я серия. 20.45 — Спокойной ночи, малыши! 21.00— Новости. 21.35 — Новая студия представляет: «Ситуация». 21.55 — Авторское телевидение: «ТВ-галерея», «Однако», «Эхо». 23.00 — «Новая студия представляет». Фильм А. Рудермана «Джем-сейшн». 1.00 — «Размышление на тему. Гамлет». Фильм-балет.

II ПРОГРАММА

8.00 — Вести. 8.20 — Время деловых людей. 9.20 — Итальянский язык. 9.50 — Досуг. 10.00 — «Вразуми меня и буду жить». 10.35 — «Беседы о русской культуре». Передача 23-я. 11.20 — «Театр — любовь моя». 12.20 — От за от. Острова раздора. Взгляд из Японии. Часть 2-я. 12.50 — Фильмы Западно-Сибирской студии кинохроники. 14.00 — Вести. 16.00 — Детский час. 17.00 — Программа передач. 17.05 — ИПП. 17.15 — Музыкальные открытки. 17.30 — «Жребий» («Кхаж»). О творчестве писателя А. Шайхиева (на чеч. яз.). 17.55 — Фильм. 18.00 — Экономисты за «круглым столом». 18.40 — Киножурнал. 18.50 — Хроника комендантского часа. 19.00 — АСИ. 19.10 — «Аш хаьржина иллеш...» Концерт (Песни, выбранные вами) (на чеч. яз.). 20.00 — Время и события. 20.30 — «Российский бизнесмен-91». 21.55 — Пятое колесо. 22.55 — Реклама. 23.00 — Вести. 23.20 — Пятое колесо. 0.05 — Дягилевские сезоны в Петербурге. «Посвящение Михаилу Фокину».

Радио

ДЕНЬ ПАМЯТИ

5.26 — Молитва. 6.00 — Гимн. 6.03 — Программа передач. 6.05 — 8.00 — Назманаш. 10.00 — Последние известия (на чеч. яз.). 10.10 — «Нам пишут». Обзор писем (на чеч. яз.). 10.30 — Патриотические песни. 11.00 — Никто не забыт, ничто не забыто (на чеч. яз.). 11.30 — 12.00 Назманаш. 12.30, 15.17, 17.36, 18.56 — Молитва. 15.15 — Последние известия (на чеч. яз.). 15.25 — Вспоминая трагические дни (на инг. яз.). 16.00 — 17.00 — Социально - политическая программа «Зама» (на чеч. яз.). 18.00 — Специальный выпуск последних известий (на чеч. яз.). 18.10 — Черное утро 44-го (на инг. яз.). 18.30 — Специальный выпуск последних известий. 18.40 — Специальный выпуск последних известий (на инг. яз.). 18.50 — «Возвращение огня». Поэма И. И. Минтяка. 19.30 — 24.00 — Назманаш. Гимн.

А нужна ли альтернатива?

История с утверждением на пост министра культуры Махмуда Эсамбаева и вслед за этим его столь скорое отречение не то что удивили, повергли в недоумение многих в республике. Работники культуры, проработавшие бок о бок с А. Киндаровым не один год, считали, что у республики есть министр, не только знающий все беды нашей нуждающейся в возрождении культуры, но за годы практической работы избавившийся от ненужных иллюзий, готовый к серьезной практической деятельности. И уже сделавший немало. Считая, что искать на этот пост нового претендента нет никакого резона, руководители творческих союзов, мастера искусства и культуры, обратились к парламенту республики и президенту с предложением оставить А. Киндарова министром культуры.

Аргументы?

Еще в шестидесятые годы он выступал за широкое внедрение в практику государственных учреждений чеченского языка. Много сделал для пропаганды народного творчества.

При его активном участии начала разрабатываться долговременная программа возрождения и развития национальной культуры. Открыты десятки новых клубных учреждений, библиотек, художественных и музыкальных школ, созданы условия для более плодотворной работы ансамбля танца «Вайнах», училища культуры, других республиканских учреждений.

В станице Старогладковской родился прекрасный музей Л. Н. Толстого, создается музей М. Ю. Лермонтова на хуторе Поробач Шелковского района. Заново воссозданы музеи А. Шерипова в Шатое, А. Мамакаева в Ланха-Неврс, Г. Ахриева в Фуртоуге.

Создана принципиально новая служба реставрации и охраны памятников истории и культуры.

Он проявил принципиальность и настойчивость при передаче историко-краеведческому музею здания обкома КПСС и при возвращении его, за что стал неугодным прежним властям.

По инициативе и при активном участии А. Киндарова создан Чечено-Ингушский республиканский фольклорный центр, который уже начал крайне важную и перспективную научно-исследовательскую и культурно-просветительную работу по сбору и изучению поэтического наследия чеченцев, ингушей, казаков. Для пропаганды этого наследия созданы два новых профессиональных коллектива — театр народного танца, музыки и песни «Иллин» и хоровая капелла.

Ахмед САЛАТАЕВ

ПРИНЦЕССА И ШКИЛЯ

Новелла

КТО было летом в думал капитан, одиноко сидевший в детской беседке, расположенной посреди небольшого дворика? Вероятно, о том, что человеку с возрастом приходится невольно окидывать взором прожитый отрезок жизни. И тогда с волнением и искренней нежностью вспоминаются благословенные годы детства! На склоне лет невыносимо тянет пройтись по былым местам. Дрожащей рукой дотронуться до земли, по которой некогда бегал босыми ногами, и сквозь пелену затуманенных глаз всматриваться в даль, в надежде увидеть ту тропинку, которая увела тебя в другой, неведомый мир. От сознания, что безвозвратно кануло в вечность беспечное время сказочных снов и радужных мечтаний, становится грустно, и сердце наполняется гнетущей тоской...

Эти чувства как раз и испытывал капитан, с трудом узнавая родные места, где прошло его далекое детство. День уже клонился к закату, незаметно натягивая на багряный небосвод сумеречный свет. От легких порывов холодного осеннего ветра шуршала опавшая листва. Прохожих становилось все меньше. Пора было уходить и капитану. Но мысли его, кажется, витали в далеком далеке: он представлял себя юным, озорным мальчуганом...

Рос он сиротой и воспитывался у дальней родственницы по матери сухой и желчной женщины. При одном только воспоминании о ней капитан сразу же чувствовал в душе неприятный осадок.

Женщина была бездетна, и в своеобразных методах воспитания мальчика не ощущалось недостатка. Она была убеждена, что только наказанием можно достичь желаемого эффекта, и малейшая провинность ребенка сопровождалась неизменной поркой, истерическими криками, руганью. Не знавший родительской ласки мальчишка отбился от рук, одичал и все свободное время проводил во дворе.

Капитан окинул взглядом небольшой дворик, окруженный жилыми многоэтажками, и подумал с горечью, что здесь когда-то шла о нем недобрая слава хулигана. По имени его почти никто не звал, разве что по прозвищу — Шкиля! Во дворе среди ребят он был заводилой, и мальчишки тянулись к нему. В семьях детям внушали: «Не водитесь со Шкилей, не будет из него путного человека». Но разве удержишь сорванцов запретами, когда рядом со Шкилей всегда весело!

Однажды Шкиля увидел девчонку. По ожившему вдруг лицу капитана было видно, что воспоминания о девочке ему дороги. А тогда лишь удивился — как раньше не замечал это. не по годам серьезное существо с пышными бантами на жиденьких косичках. Пытался было расспросить, но, встретившись с иронически-насмешливым взглядом, смутился... Девчонка молчаливо держалась в стороне от всех, но каждый невольно чувствовал ее присутствие. Никто не знал, откуда она, однако в жизнь двора незнакомка вошла неслышно и... прочно.

Из озорства Шкиля еще раз рискнул подступиться к ней, но ответ был лаконичен:

— Хулиган!

Живой и подвижный от природы, Шкиля вдруг сник, словно увядший цветок, и весь вечер не смел поднять головы.

— Уже тогда я чувствовал к ней необъяснимую тягу, — подумал вслух капитан и, помедлив, добавил: потому и робел!

Незнакомку окрестили Принцессой. К прозвищу Принцесса отнеслась спокойно, будто на самом деле была наследницей сказочного королевства. Шкили же стало не слыхать Утих во дворе ребячий смех, хозяйки стали забывать звон разбитого оконного стекла, некому стало придумывать новые забавы. Возникла необходимость в новом кумире. И он нашелся.

В отличие от Шкили вечера у Принцессы проходили спокойней. Родители не узнавали своих ребят, присмиревших вдруг и ставших опрятными. Капитан невольно улыбнулся, вспомнив вытянувшееся лицо тетки видевшей, с каким отчаянным усердием расчесывал он у зеркала непослушные вихры. Шли годы. Зародившееся неожиданно в душе Шкили чувство привязанности к Принцессе вытеснилось более высоким, святым для него чувством любви. Любви рожденной пылким воображением, впитавшей в себя тепло искренней юношеской нежности, Любви, терзающей своей безответностью. Годы не изменяли ее отношения к нему: по-прежнему бездонно-голубые глаза Принцессы смотрели на Шкилю иронически насмешливо. Напомненная, что для Принцессы Шкиля остается прежним хулиганом...

Трудно сейчас вспоминать об этом капитану. Время не сумело заглушить ноющую боль его любящего сердца. С этой болью он уехал из родных мест в далекий приморский город. Стал моряком. Не раз в бескрайних водных просторах, схлестываясь с бушующей стихией, пытался найти душевный покой. Тщетно. Он ощущал эту боль постоянно и, казалось, что срослась она с ним в одно целое и до конца жизни не покинет его...

...А из затемненного окна квартиры уже немало времени за капитаном наблюдала женщина. Она не решалась выйти, понимая что некогда из-за ее малодушия на всю жизнь были искалечены чувства этого человека. Да и что она тогда могла сделать? Идти против воли родителей? Ведь они бы никогда не простили ей любви к иноверцу... Никогда!..

— К чему теперь ворошить прошлое, — рассудила она, — пусть думает что меня уже нет. И хранит в памяти свою чистую любовь юных лет. — По ее старческому лицу текли слезы, и, не замечая их, женщина безмолвно шептала вслед уходящему капитану:

— Шкиля.. Шкиля...

Только для женщин

Петру I принадлежит идея создания одного из первых в мире ордена для женщин. Он был учрежден в 1711 году в честь жены царя — Екатерины, которая сопровождала Петра в трудном Прутском походе. В решающий момент, когда армия была окружена во много раз превосходящими силами противника, она не растерялась и помогла советом заключить столь нужное перемирие.

✦

Тяжелая награда

Самая большая медаль в России весила 17 фунтов (6 килограммов 800 граммов). Существовала она во времена Петра I. Однако, отмеченные ею не радовались такой «награде». Ведь эту чугунную тяжесть вешали на грудь, как наказание. Поперек медали была выбита надпись: «За пьянство».

Комендантский час

(ПО СВОДКАМ ШТАБА МВД ЧР)

С начала КЧ задержано 906 человек. Из них оштрафовано 188 на сумму 80915 рублей.

Изъято 38 единиц боевого оружия, в том числе 17 пулеметов и автоматов, 11 пистолетов, 6 гранат, большое количество холодного оружия.

За это же время раскрыто 29 преступлений и задержаны 34 преступника.

* * *

В прошлую «комендантскую» ночь особенно отличились патрульно-постовые наряды Ленинского РОВД. Так, в 23 часа 50 минут ими на улице Н. Буачидзе задержан Х.-А. Ахмадов с пистолетом зарубежного производства и 7 патронами отечественного «макарова».

У находившегося в нетрезвом состоянии В. Толстенева изъяты револьвер системы «наган», и граната с самодельным кольцом. Произошло это спустя полчаса после начала КЧ.

В половине первого у моста по ул. Бутырина, задержан Р. Дадаев. При обыске у него обнаружен и изъят импортный нож с фиксатором и выбрасывающимся лезвием.

Снежный февраль.

Когда тушуется милиция

В наши дни любую сельскую свадьбу можно сравнить, разве что с пирушкой подвыпивших абреков. Стреляют в воздух и стар, и млад. Дым и грохот стоят над теми, кто пришел на подобное торжество. Недавно шальной пулей, разгулявшихся стрелков, была убита десятилетняя девочка. Она выбежала с веселым криком на балкон, чтобы поглядеть на свадебный кортеж. И тут же получила пулю-дуру, дуру, которая навсегда оборвала ее радость.

Были и еще жертвы. Взрывом гранаты унесло жизни двух школьников. В упор была застреляна шестнадцатилетняя девушка в Гудермесе. Наши дети лежат в больницах из-за ран и ожогов, полученных во время баловства с «игрушками», приобретенными с военных складов. А стрельба все равно не прекращается.

Газета не раз писала о том, что в последнее время в Аргуне не стало житья от распоясавшихся любителей пострелять. С наступлением темноты здесь начинают пальбу отовсюду: и с балконов многоэтажек, из подвалов, из стоящих автомашин. Сотрудники патрульно - постовой службы Аргунского ГОВД хранят невозмутимое спокойствие.

— Мы не в силах тягаться с вооруженными до зубов балбесами, — говорят они. — В их руках не только новейшие системы оружия, но и самые устойчивые скоростные автомобили. Попробуй угнаться за такими.

Думается, что это жидкие аргументы. Нельзя подобными приемами пытаться снять с себя ответственность за хаос и беспорядки, царящие в городе. Может, прокурор города Асабаев заставит милицию выполнять свои функциональные обязанности?

А. ХАТУЕВ.

Погода

Сегодня днем по республике и в Грозном ожидается переменная облачность, местами слабый снег. Утром туман. Ветер переменных направлений, 0—5 метров в секунду. Температура воздуха по республике от 0 до —5, в Грозном от 0 до —2.

Авиаметстанция.

Редактор М. К. Мурадов

Адрес редакции: 364907, Грозный, ул. Маяковского, 92. Дом печати

Индекс 54670

Газета выходила под названиями «Товарищ», «Известия Совета рабочих и военных депутатов Грозненского района», «Красный повстанец», «Красный труд», «Нефтерабочий», «Грозненский рабочий». С 24 августа 1990 года — «Голос Чечено-Ингушетии».

Награждена в 1967 году орденом Трудового Красного Знамени.

УЧРЕДИТЕЛЬ:

Трудовой коллектив редакции.

Телефоны для справок по редакции — 22-63-00, по письмам — 22-08-78. Репортеры — 22-44-35, 22-17-79, прием объявлений — 22-33-13, коммерческий отдел — 22-45-33, 22-63-50, жалобы на доставку газеты — 22-29-66 и 9-00.

Мнение авторов публикации не обязательно отражает точку зрения редакции. Редакция вправе не вступать в переписку.

Газета выходит 5 раз в неделю, кроме воскресенья и понедельника.

Типография издательства «Грозненский рабочий».

По номеру дежурили: И. МЕРЖОЕВ, Г. БОНДАРЕНКО.

Заказ № 364.

Подписано к печати 22.02.92 г. в 22 час.

1